Либкнехт

От обороны к нападению

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц А 155
Л 531

№ 22.—«Библіотека Русскаго Пролетарія.»—№ 22.

De la défense à l'attaque.

Prix: 30 коп., 70 pf., 80 cent., 7½ d.

IV
1433
ЦА155
Л531

В. ЛИБКНЕХТЪ

Отъ обороны къ нападенію

Съ предисловіемъ Ю. Моттелера.

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
116, rue de Carouge.
1903

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

« Библіотека Русскаго Пролетарія »

№ 1. «*Пѣсни Жизни*», цѣна 15 коп. 40 сант.
№ 2. «*Международные Соціалистическіе Конгрессы*», цѣна 30 коп., 80 сант.
№ 3. П. Свободинъ. «*Бунтуютъ*», разсказъ. Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 4. Г. Куклинъ. «*Нѣсколько словъ о празднованіи 200-лѣтія русской печати*», цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 5. «*Программы „Жизни“, „Искры“ и „Зари“, съ приложеніемъ отзывовъ о нихъ*». Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 6. «*Старая и новая программы „Рабочаго Дѣла“*». Цѣна 8 к., 20 с.
№ 7. «*Программа и объявленіе о возобновленіи изданій группы „Освобожденіе Труда“*». Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 8. А. Арну. «*Мертвецы коммуны*». Цѣна 8 коп., 20 сант.
№ 9. «*Программа „Рабочаго Знамени“*». Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 10. «*Манифестъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи (1898 г.)*». Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 11. Софья Бардина. «*Рѣчь на судѣ*». Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 12. Петръ Алексѣевъ. «*Рѣчь на судѣ*». Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 13. М. Е. Салтыковъ. «*Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ*». Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 14. «*Изъ программныхъ статей „Земли и Воли“*». 3 коп., 10 сант.
№ 15. К. Марксъ. «*Первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ*». Цѣна 8 коп., 20 сант.
№ 16. І. Ф. Беккеръ. «*Манифестъ къ земледѣльческому населенію*». Цѣна 8 коп., 20 сант.
№ 17. «*Сборникъ программъ и программныхъ статей „Народной Воли“*». Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 18. «*Изъ программныхъ статей „Чернаго Передѣла“*». Цѣна 15 к., 40 сант.
№ 19. Ж. Гэдъ. «*Коллективизмъ*». Цѣна 10 коп., 25 сант.
№ 20. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. «*Манифестъ коммунистической партіи*». Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 21. В. Поссе. «*Всеобщія стачки*». Цѣна 40 коп., 1 фр.
№ 22. В. Либкнехтъ. «*Отъ обороны къ нападенію*». Цѣна 30 к., 80 с.
№ 23. «*Обыскъ, тюрьма и ссылка*». Цѣна 15 коп., 40 сант.

Печатаются слѣдующія изданія:

№ 24. «*Сборникъ программъ и программныхъ статей русскихъ революціонныхъ партій и группъ 1862-1902 г.*».
№ 25. П. Лафаргъ. «*Право на лѣность*».
№ 26. А. Бебель. «*Женщина и соціализмъ*».
№ 27. К. Марксъ. «*Гражданская война во Франціи (1870-71 г.)*»
№ 28. И. С. Мышкинъ. «*Рѣчь на судѣ*».

№ 22.—«Библіотека Русскаго Пролетарія.»—№ 22.

ЦА 15·5
Л 531

В. ЛИБКНЕХТЪ

Отъ обороны къ нападенію

Съ предисловіемъ Ю. Моттелера

RUSS. LESE-VEREIN
MÜNCHEN
РУССКАЯ ЧИТАЛЬНЯ

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина
116, rue de Carouge.
1903.

2 й экз.

Н

Ц А155
Л531

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
1353
26

Ц 6818.

2010 г.
У 82

Вмѣсто предисловія.

(Воспоминаніе изъ исторіи саксонскаго рабочаго движенія.)

22-го октября 1901 года исполнилось тридцать лѣтъ съ того дня, который Вильгельмъ Либкнехтъ сдѣлалъ памятнымъ днемъ для саксонскаго передового отряда въ нѣмецко-международной классовой борьбѣ.

Согласно данному раньше обѣщанію, Либкнехтъ долженъ былъ 22-го октября 1871 года произнести рѣчь въ народномъ союзѣ Криммитшау, въ день его основанія. Союзъ составлялъ тогда, между прочимъ, часть основного хребта нашихъ средне- и верхнесаксонскихъ выборныхъ организацій. Къ нимъ, ко всѣмъ обращался онъ со своей рѣчью, которая и теперь еще звучитъ для насъ, просвѣщая, зажигая и возбуждая партію къ твердой борьбѣ, — «отъ обороны къ нападенію!». — «Дитя минуты, пусть она и останется такой, какъ ее создала минута», — такъ называетъ Либкнехтъ свою записанную стенографически и появившуюся впослѣдствіи брошюрой криммитшаускую рѣчь въ предисловіи къ ея шестому изданію. (Берлинъ, 24 декабря 1890 г.) «Лейпцигскій политическій процессъ былъ причиной произнесенія этой рѣчи,— продолжаетъ Либкнехтъ дальше, — и ея новое изданіе постольку своевременно, поскольку тогда, какъ и теперь, имѣло значеніе представить въ самой общедоступной формѣ цѣли и міровоззрѣніе нашей партіи, опровергнуть обвиненія нашихъ враговъ, которые уже тогда, были точно также ограничены, невѣжественны и злобны, какъ и теперь, — и въ этомъ отношеніи они ничему не научились, — и чтобы показать, что все, въ чемъ упрекаютъ насъ защитники современнаго «порядка», есть только отраженіе ихъ же собственныхъ грѣховъ и плодъ ихъ собственной фантазіи.» Такъ пи-

салъ нашъ «солдатъ»—19 лѣтъ спустя послѣ праздника въ Криммитшау. Вспоминая о немъ, приступаю я теперь къ обзору періода 1870—71 годовъ.

Наше движеніе, какъ извѣстно, выдержало въ нижнихъ Рудныхъ горахъ въ срединѣ 60-тыхъ годовъ до 1866 года, — года братской войны, — самое тяжелое время испытанія. Его соціально-политическій аттестатъ зрѣлости былъ завоеванъ экономическими и политическими организаціями. Образовательные союзы доставляли матеріалъ для потребительныхъ, профессіональныхъ и международныхъ профессіональныхъ организацій. Такимъ образомъ, за три года до начала войны съ Франціей, — 8-го іюля 1867 года — пришли къ учрежденію прядильнаго и ткацкаго товарищества въ Криммитшау, также съ цѣлью «практической попытки» въ области «легальной самопомощи». По нашей иниціативѣ въ Швейцаріи мѣстными профессіональными организаціями было устроено шесть портняжныхъ товариществъ. Между нашими піонерами былъ Іоганнъ Филиппъ Беккеръ изъ Женевы, нашъ старый генералъ вольнаго баденскаго отряда 1848/49 г., и первый практическій организаторъ Интернаціонала на континентѣ. Товарищества были открыты въ Базелѣ, Винтертурѣ, Цюрихѣ, Женевѣ, Невшателѣ, Ла-шо-де-фонѣ съ взятыми въ кредитъ товарами. Въ самомъ Лейпцигѣ, гдѣ Бебель былъ нашимъ первымъ «коммиссіонеромъ», а Карлъ Липольдъ — завѣдующимъ центральнымъ складомъ кооперативовъ, — лучшіе дѣятели правленія союза саксонскихъ потребительныхъ товариществъ вѣрно помогали намъ и дѣломъ и совѣтомъ. Руководитель организаціи товариществъ, нашъ, къ сожалѣнію слишкомъ рано умершій и забытый въ исторіи партіи членъ ея, М. Германъ, изъ Лейпцига, принадлежалъ къ самымъ ревностнымъ покровителямъ нашихъ кооперацій. При основаніи ихъ онъ велъ нашу корреспонденцію съ знаменитыми «Рочдэльскими піонерами» въ Англіи, о ткацкой кооперативной организаціи которыхъ, о хозяйственныхъ установленіяхъ, а также и о полученныхъ ими до сихъ поръ результатахъ мы просили разъясненія. «Все идетъ хорошо въ дѣлѣ», говоритъ въ концѣ своихъ разъясненій, предводитель дѣла, прямодушный ткачъ, — большая часть насъ еще демократы. Но червь вражды наживы уже грызетъ и

сверлитъ во многихъ мѣстахъ нашу постройку. Аппетитъ приходитъ по мѣрѣ развитія благосостоянія,— вамъ надо принять это въ соображеніи вашего хозяйственнаго порядка и правилъ учрежденія!»

Наши палліативныя организаціи уже настолько разрослись до наступленія перваго признака бури, что изъ шести кооперирующихъ съ нами портняжныхъ товариществъ въ Швейцаріи, женевцы съ успѣхомъ устроили у себя складъ портняжнаго приклада, который съ выгодой для обѣихъ сторонъ доставлялъ для мѣстныхъ мелкихъ мастеровъ и подмастерьевъ шелкъ для шитья, нитки, иголки, пуговицы, позументъ и коленкоръ всѣхъ сортовъ, даже бархатъ и шелкъ. Съ трудомъ перебивающееся, благодаря мѣстнымъ и личнымъ условіямъ, портняжное товарищество Винтертура было безъ большихъ потерь перенесено въ Цюрихъ, при кредитѣ въ 3.300 марокъ. Женева черпала свою силу изъ своей организованной черезъ годъ послѣ основанія товарищества «Рабочей Кассы», фонды которой составлялись изъ прибылей отъ продажи портняжнаго приклада. Не только члены товарищества, которые тоже не всѣ работали для кооператива,—но и большая часть организованныхъ товарищей въ извѣстной прогрессіи участвовали своими вкладами въ «Рабочій Банкъ». Вексельный дисконтъ въ торговыхъ отношеніяхъ возросъ до 10-13 процентовъ, а кризисъ усиливался. Слѣдовало собрать всѣ силы на мѣстѣ, въ Саксоніи, у основанія нашего международнаго экономическаго учрежденія. Ткацкая кооперація, потребительное товарищество, типографіи взялись за дѣло вмѣстѣ, всѣми имѣющимися въ ихъ рукахъ средствами. Сомкнутой фалангой задерживали они грозящую экономическую катастрофу и ея опасный возвратный ударъ на наше политическое движеніе въ 18-омъ саксонскомъ избирательномъ округѣ, главной силѣ нашего передового отряда.

Прошло пять лѣтъ,— до 26-го октября 1870 г., — и при мертвомъ молчаніи своихъ настолько же невѣжественныхъ, настолько и трусливыхъ противниковъ и мѣстной прессы,— ненавидимые уже раньше, какъ «послѣдователи Шульце-Делича», объявленные «сумасбродными, лѣнивыми врагами почтеннаго средняго и городского сословія»,—организованные рабочіе Крим-

митшау, рука объ руку съ организаціями Вердау, Цвикау, Меране, Глаухау, въ Ивановъ день, 26-го іюня, 1870 г., несмотря на все это, выступили въ походъ съ первымъ пробнымъ номеромъ ежедневной мѣстной партійной газеты — «Криммитшаускій другъ крестьянъ и горожанъ», — органомъ всего Остерланда. Имена В. Штолле, а потомъ Штолле, Шлегеля и К°, какъ издателей и редакторовъ, такъ же какъ и Карла Гирша, Густава Квасневскаго etc., означаютъ мужество самопожертвованія и борьбы за наше дѣло. Это мужество въ неменьшей степени одушевляло также наши организаціи больничныхъ и похоронныхъ кассъ и членовъ тогдашнихъ нашихъ потребительныхъ товариществъ, народнаго союза, профессіональныхъ и кооперативныхъ организацій. «Красные» въ долинѣ и «черные» (наши рудокопы) въ горахъ и долинахъ съ желѣзной стойкостью и мужествомъ боролись подъ своимъ старымъ лозунгомъ: «Въ добрый часъ!»

Настоящая буря полицейскихъ преслѣдованій среди нѣмецкой ультра-патріотической своры въ Германіи сопровождала борющихся соціалдемократовъ у насъ, какъ и повсюду. Уже 28-го марта 1871 года, на восьмомъ мѣсяцѣ ежедневнаго выхода газеты, за наши грѣхи и старанія предстали передъ судомъ присяжныхъ въ Цвикау нашъ печатникъ товарищества, Авг. Юнганъ и наборщикъ «Друга крестьянъ и горожанъ», Авг. Гнаукъ по обвиненію въ «публичномъ воззваніи къ преступному предпріятію, а слѣдовательно и въ попыткѣ къ государственной измѣнѣ или содѣйствію въ этомъ.» Обвиненіе было основано на двухъ строкахъ нашей извѣстной солдатской пѣсенки, но послѣдовало оправданіе. Страсть къ политическимъ процессамъ уже вѣяла въ новомъ государствѣ. Кругомъ, въ Саксоніи нашихъ друзей выпроводили во время войны изъ нѣкоторыхъ трактировъ, посредствомъ карточекъ съ такой надписью: «прошу васъ не посѣщать больше моего заведенія.» Въ Криммитшау высшее общество того времени каждый вечеръ торжественно сжигало въ городскомъ погребѣ послѣдній номеръ «Друга крестьянъ и горожанъ» при пѣніи патріотической «Wacht am Rhein». Каждый вечеръ тотчасъ же по извѣщеніи нашего разнощика, мы наклеивали нѣсколько номеровъ газеты на красную бу-

магу и дѣлали наверху надпись: «Зажигательный номеръ Криммитшаускаго друга крестьянъ и горожанъ»; эти номера какъ можно скорѣе доставлялись въ городской погребъ для круглаго стола. Число зрителей невѣроятно росло съ каждымъ днемъ, а число жрецовъ бумажнаго патріотизма все уменьшалось, и черезъ недѣлю хозяинъ далъ клятву не мстить нашему Меркурію съ «зажигательнымъ номеромъ», попросивъ его доставлять два *бѣлыхъ* номера газеты для требовавшихъ ее приличныхъ и спокойныхъ посѣтителей. Мы, съ своей стороны, могли вволю посмѣяться, что наши національ-либералы «ходили туда, но уже болѣе не пѣли».

Война уменьшила ряды нашихъ читателей, но опубликованныя въ нашей газетѣ солдатскія письма съ избыткомъ пополнили эту потерю изъ рядовъ родственниковъ и отставшихъ, и такъ упорно боролись мы, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и въ политическомъ противъ постоянныхъ нападковъ нашихъ противниковъ.

Въ тоже время въ газетѣ и на собраніяхъ съ настойчивостью подготовлялись обыватели для предстоящихъ выборовъ въ ландтагъ и въ городскую думу. Въ избирательномъ округѣ Криммитшау-Вердау царила тогда ландтагская династія фабриканта Кюрцеля, противъ него наша партія выставила кандидатомъ одного изъ самыхъ испытанныхъ нашихъ товарищей. При участіи въ выборахъ 609 избирателей, — не болѣе половины всѣхъ въ то время; — у насъ было 143 голоса противъ 466 голосовъ нашихъ заклятыхъ враговъ.

Въ саксонскихъ Рудныхъ горахъ нашъ *солдатъ* былъ до тѣхъ поръ еще рѣдкимъ гостемъ у насъ. И тогда какъ самого меня дѣло, къ сожалѣнію, отозвало на югъ, въ Швейцарію во время праздника въ Криммитшау, 2-го октября 1871 года,—наши товарищи устроили праздничное собраніе и приготовили трибуну для торжественной рѣчи. Я описываю самый праздникъ по впечатлѣніямъ одного достовѣрнаго разсказчика: съ обычной поспѣшностью вошелъ Либкнехтъ въ наполненную людьми залу, — «кишащую мужчинами, женщинами и дѣтьми всѣхъ возрастовъ». Съ палкой и шляпой въ рукѣ, становится онъ среди нихъ; безмолвно окружаетъ его толпа послѣ ликующихъ кри-

ковъ «ура». Раздались звуки дѣтскаго полонеза. Съ сіяющимъ отъ радости лицомъ вступаетъ онъ въ кругъ. Иногда задумчиво взглядываетъ онъ на трибуну. Танецъ кончается, и маленькое населеніе уводится взрослыми домой. Предсѣдатель открываетъ собраніе; Либкнехтъ поднимается на трибуну, и глаза его радостно блестятъ вслѣдъ уходящимъ. Раздается первый звукъ его «дитяти минуты», — «во имя борьбы съ врагами», и «въ защиту» падающихъ въ борьбѣ за свои человѣческія права. «Мы идемъ впередъ и «сегодня» никогда не будетъ достаточно для «завтра», зоветъ насъ его предисловіе 1890 года къ напечатанному отчету о праздникѣ.

Мы пошли впередъ, — это я могу смѣло сказать, — и мы будемъ итти дальше, побѣдоносно, какъ и до сихъ поръ, съ нашимъ «солдатскимъ катехизисомъ» въ головѣ и въ сердцѣ, пособившимъ намъ выдержать нашу тридцатилѣтнюю войну и превратить ее въ мирный походъ за народное дѣло.

Впередъ ушли также и наши противники въ призываніи своихъ боговъ, для которыхъ уже не является больше загадкой наше движеніе и его конечныя цѣли. И что бы теперь они не придумали новаго противъ нашего движенія и какія бы старыя средства не выискивали въ своемъ арсеналѣ, въ будущихъ «воспоминаніяхъ изъ исторіи саксонскаго рабочаго движенія» потомки наши могутъ и въ этомъ новомъ столѣтіи разсказать о томъ, какъ нѣкогда въ странѣ битвы народовъ расчищалось мѣсто побѣдѣ человѣчества.

Юлліусъ Моттелеръ.

Отъ обороны къ нападенію.

Рѣчь В. Либкнехта, произнесенная по случаю годовщины основанія народнаго союза въ Криммитшау 22 октября 1871 года.

Друзья! Старшина нѣмецкой демократіи Іоаннъ Якоби сказалъ въ своей знаменитой рѣчи «О цѣляхъ рабочаго движенія»: «Основаніе самаго малочисленнаго рабочаго союза будетъ имѣть для будущаго историка культуры бо̀льшую цѣнность чѣмъ день битвы при Содовой». Еслибъ онъ сказалъ это годомъ позже, онъ могъ бы прибавить: «и чѣмъ всѣ блестящія побѣды и прекрасныя «кавалерійскія сраженія» «святой войны господъ Бонапарта и Бисмарка».

Хотя по названію это не рабочій союзъ, учрежденіе котораго мы сегодня празднуемъ, но «народный союзъ» Криммитшау состоитъ почти исключительно изъ рабочихъ и придерживается принциповъ соціалдемократіи; и потому онъ по существу рабочій союзъ, и слова Якоби примѣнимы также къ нему.

Да, основаніе самаго малочисленнаго рабочаго союза болѣе важный культурный актъ, чѣмъ всѣ «великія дѣла», совершенныя военной и монархической Европой и которыя еще будутъ ею совершены на такъ называемомъ полѣ чести; въ самомъ малочисленномъ рабочемъ союзѣ живутъ и дѣйствуютъ идеи настоящаго, подготовляется разрѣшеніе могучихъ вопросовъ, двигающихъ нашимъ временемъ, въ то время какъ рука солдата только двигаетъ оружіемъ убійства для защиты твореній прошлаго и для сохраненія ихъ. Каждый рабочій союзъ — отпрыскъ новѣйшей культуры, посаженный въ виноградникъ человѣчества, опустошаемый только «славными войсками»; это школа истиннаго образованія, освобождающаго человѣка, оскорбляемаго

и угрожаемаго военными побѣдителями; это кусокъ новаго міра, который клиномъ внѣдрится въ старый міръ, чтобы способствовать его раздробленію.

Два міра стоятъ теперь рѣзко другъ противъ друга, — міръ имущихъ и міръ неимущихъ, міръ капитала и міръ труда, міръ угнетателей и міръ угнетаемыхъ, міръ буржуазіи и міръ соціализма — два міра съ противоположными цѣлями, стремленіями, взглядами и съ различными языками, два міра, которые не могутъ удержаться другъ противъ друга, и изъ которыхъ одинъ долженъ уступить мѣсто другому.

Во время послѣдней войны, при блескѣ огненныхъ шаровъ и пламенѣющихъ городовъ и деревень даже самому близорокому глазу были замѣтны рѣзкія очертанія этихъ двухъ міровъ: *здѣсь*, представители стараго міра, проповѣдующіе ненависть и презрѣніе къ сосѣднему народу; ставя высшей человѣческой цѣлью — человѣкоубійство въ массѣ; всѣми средствами возбуждая страсти; заглушая мысль и на алтарь узкосердечнаго, фанатическаго патріотизма, жертвуя гуманностью, — *тамъ*, въ сторонѣ стоящія представители новаго міра; спокойные при ярко бушующемъ потокѣ; трезвые среди оргій національнаго бреда, остающіеся непоколебимыя при упрекахъ, обвиненіяхъ, нападеніяхъ, преслѣдованіяхъ; гордо подставляющіе свои головы противникамъ, обращаясь къ нимъ съ восклицаніемъ:

«то, на что вы кладете печать благороднѣйшей обязанности, намъ кажется безнравственнымъ; то, что вы восхваляете какъ высочайшее благо, противорѣчитъ требованіямъ разума и справедливости. Человѣкъ, живущій по ту сторону нашихъ пограничныхъ столбовъ, такой же человѣкъ, какъ мы; народы — братья между собой и должны любить другъ друга. Убійство остается убійствомъ даже, если убійца и убитый говорятъ на разныхъ языкахъ и вмѣсто одноцвѣтной одежды, носятъ пеструю; убійство же есть преступленіе и не перестаетъ быть имъ даже тогда, когда оно совершается въ гигантскомъ масштабѣ. Успѣхъ не превращаетъ несправедливость въ справедливость. То, что вы называете славой, намъ кажется отрицаніемъ ея; что вы называете честью — для насъ отрицаніе ея; тріумфы, которыми вы хвастаетесь, мы счи-

таемъ тріумфами варварства; война, будь она самой блестящей, есть грѣхъ противъ святого духа человѣчества — несчастье для побѣдителя и побѣжденнаго. Слово «отечество», произносимое вами не очаровываетъ насъ; мы уже преодолѣли точку зрѣнія, съ которой вы смотрите на «отечество»; это для насъ реакціонное, враждебное культурѣ понятіе; человѣчество не можетъ быть втиснуто въ національныя рамки; наша родина —міръ: ubi bene ibi patria—гдѣ намъ хорошо, гдѣ мы можемъ быть *людьми*, тамъ *наше* отечество; *ваше* отечество для насъ только мѣсто страданій, тюрьма, оцѣпленный загонщиками кругъ, въ которомъ мы представляемъ затравленную дичь и гдѣ многіе изъ насъ не имѣетъ мѣста, куда-бы сложить свою голову. Браня насъ, вы называете насъ «неимѣющими отечества», но вы сами сдѣлали насъ таковыми!

И какъ можете вы, вы, которые, съ торжественной увѣренностью говорите о вашемъ христіанствѣ, упрекать насъ въ «ненаціональности»? Развѣ не выдающійся признакъ христіанской религіи, что она расширила понятіе о національномъ Богѣ евреевъ, въ понятіе о всеобще-человѣческомъ Богѣ, т. е. выражаясь по современному, разрушила принципъ національности и вытѣснила мысль *національную интер,національной?*

Въ васъ говоритъ только предразсудокъ и корысть; интересъ человѣчества требуетъ паденія того, представителями чего являетесь вы! И интересъ человѣчества преодолѣетъ вашъ частный интересъ. Ваши тріумфы только ускоряютъ ваше паденіе. Въ колокольномъ звонѣ праздника вашихъ побѣдъ слышимъ мы похоронный звонъ вашего величія».

Съ жуткимъ чувствомъ удивленія противники смотрѣли на это зрѣлище, слушали чуждый имъ языкъ новаго міра, хотя это было только ничтожное меньшинство, поднявшее протестъ во имя человѣчества; но всякая истина, стремящаяся къ господству, находится въ меньшинствѣ, только побѣдоносная истина всегда въ большинствѣ. Конечно, состояло это большинство почти исключительно изъ рабочихъ, изъ лишенныхъ наслѣдства въ настоящемъ обществѣ — но было-ли это мыслимо иначе? Вѣдь только угнетенные всегда поддерживали пламя свободы и гуманности; такъ какъ нужда всегда является лучшимъ, даже един-

ственнымъ учителемъ человѣчества. Слабаго она учитъ молиться, сильнаго-же пользоваться своими силами, *думать* о своемъ освобожденіи и *дѣйствовать* въ пользу его. Нынѣ рабочіе, толкаемые нуждою, посвятили себя, дѣлу эмансипаціи — какъ въ средніе вѣка крестьяне объявили евангеліе свободы и равенства; какъ въ началѣ нашей эры среди бѣдняковъ и страдающихъ возникло христіанское ученіе.

Не въ первый разъ два міра стоятъ такимъ образомъ другъ противъ друга. Въ прошломъ столѣтіи, когда буржуазія была политически еще порабощена, она уже создала свой собственный міръ мыслей и воззрѣній, очень рѣзко противорѣчащій господствующему міру, который она въ концѣ концовъ умственно подчинила — это «нравственная побѣда», по стопамъ которой во французской революціи должна была слѣдовать и матеріальная.

Но исторія даетъ еще болѣе удачное сравненіе: древній римскій міръ поднялся на вершину своего могущества; ему нечего больше завоевывать, такъ какъ уже всѣ государства земли обязаны платить ему свою дань. Богачи утопаютъ въ неслыханной роскоши, массы-же страдаютъ подъ игомъ тупого рабства. Тогда *совѣсть* этой закрѣпощенной, униженной толпы начинаетъ возмущаться противъ такихъ позорныхъ условій и подымается движеніе, вызывающее сначала въ властителяхъ и богачахъ презрѣніе и насмѣшки, на постепенно внушающее имъ страхъ, который въ концѣ концовъ побуждаетъ ихъ къ самымъ ужаснымъ, самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ противъ приверженцевъ новаго ученія. Но эти преслѣдованія создаютъ только *мучениковъ* и укрѣпляютъ идею, которую они должны разрушить. Имъ, вызывающимъ страхъ, «врагамъ государства и общества» (то были христіане), запрещаютъ собираться — они-же собираются въ катакомбахъ; самыя утонченныя пытки изобрѣтаются для нихъ, смерть окружается тысячью предметовъ ужаса; напрасно, смерть не представляетъ жала для преслѣдуемыхъ, и при самыхъ изысканныхъ пыткахъ у нихъ появляется только улыбка состраданія къ глупцамъ, которые воображаютъ этимъ убить идею. «Если дѣло наше Божье, тогда вы не будете въ состояніи погубить его; если-же оно не Божье, тогда оно и безъ васъ

погибнетъ!» Такъ обращаясь къ своимъ палачамъ, они радостно, увѣренные въ своей побѣдѣ, стремятся на мѣсто казни. «Если наше дѣло Божье» — т. е. говоря современнымъ языкомъ: если наше стремленіе соотвѣтствуетъ умственнымъ, нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ человѣчества, тогда никакая сила не искоренитъ его, если-же оно не «Божье», т. е. если оно противорѣчитъ этимъ интересамъ, тогда оно должно погибнуть въ этомъ противорѣчіи, не требуя насильственныхъ мѣръ подавленія, которыя въ крайнемъ случаѣ вдохнутъ только умирающей идеѣ еще послѣдній призракъ жизни.

И что-же, львы, змѣи, кресты, костры — какое было ихъ дѣйствіе? Революція человѣческой совѣсти неотступно шла впередъ, христіанство преодолѣло всесильное язычество, новый міръ низвергнулъ міръ старый. Здѣсь одно замѣчаніе. Я далекъ отъ того, чтобы вѣрить въ обыкновенныя традиціи такъ называемаго «первобытнаго христіанства»; еще болѣе я далекъ отъ того, чтобы современную цивилизацію считать результатомъ христіанства. Послѣдній взглядъ положительно невѣренъ и даже абсолютно противорѣчитъ истинѣ; легко можно доказать, что съ того времени, когда христіанство стало государственной религіей, всякое умственное и матеріальное пріобрѣтеніе могло быть сдѣлано только въ борьбѣ съ христіанствомъ, *противъ* христіанства. Легенды и миѳы стараго и новаго времени, передаваемые намъ, принадлежатъ къ области сказокъ и нельзя отрицать, что наука и искусство, считавшіяся приверженцами новаго ученія неразрывными съ язычествомъ, были чужды этимъ послѣднимъ и подвергались съ ихъ стороны жесточайшимъ нападкамъ, тѣмъ не менѣе, что касается эпохи, когда христіанство носило терновый вѣнецъ преслѣдованія, то было-бы глупостью, въ которой насъ, правда, теперь обвиняютъ, если бы мы стали отрицать, что христіанское движеніе по необходимости развилось изъ условій того времени и что этотъ протестъ нравственности, живущей въ человѣческомъ чувствѣ равенства, былъ нуженъ, чтобы разрушить насквозь прогнившее, основанное на рабствѣ, языческое общество и этимъ открыть человѣчеству путь къ дальнѣйшему прогрессу. Конечно за паденіемъ классическаго язычества слѣдо-

вала длинная, темная ночь. Христіанство, сдѣлавшись государственной религіей, удалилось отъ тѣхъ принциповъ, которымъ оно было обязано своей побѣдой и превратилось само въ орудіе угнетенія. Но человѣчество не останавливалось въ своемъ движеніи. Идеи равенства, братства и свободы продолжали разрастаться въ глубинѣ общественныхъ условій. Тщетно государственная церковь старалась наложить оковы на это стремленіе, тщетно она устраивала суды инквизиціи. Она могла сжигать тѣла, но вѣчныя мысли, подобно фениксу, поднимались изъ пепла съ неповрежденными крыльями. Сотнями тысячъ еретики падали жертвами, палачи «непогрѣшимости» праздновали самые блестящіе «успѣхи» — только на моментъ. Въ окончательномъ результатѣ все-же еретики побѣдили судей еретиковъ. Реформація уничтожила могущество папства, и въ настоящее время неограниченный папа преданъ милосердію своихъ враговъ и представляетъ изъ себя предметъ состраданія, но уже болѣе не страха.

И въ самомъ дѣлѣ, кто вообще способенъ учиться, тотъ долженъ былъ-бы понять изъ исторіи религіозныхъ преслѣдованій, что безуміе стремиться повернуть обратно колесо прогресса. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка судьи еретиковъ были прокляты передъ судомъ человѣчества, также и современные судьи еретиковъ. осмѣливающіеся подавлять новое ученіе соціализма полицейскими преслѣдованіями, будутъ прокляты передъ судомъ человѣчества; и подобно еретикамъ среднихъ вѣковъ, которые въ концѣ концовъ побѣдили судей еретиковъ. еретики настоящаго времени побѣдятъ судей еретиковъ настоящаго времени. Или думаютъ, что въ нашихъ идеяхъ меньше жизненной силы, чѣмъ въ идеяхъ христіанскихъ мучениковъ? Ложное представленіе!

Ту самую роль, которую играло христіанство при распаденіи древне-римскаго міра, играетъ теперь соціализмъ по отношенію къ міру буржуазному. Какъ и тогда, такъ и теперь чувство совѣсти возстаетъ противъ грубаго матеріализма *), лишеннаго всякаго

*) Въ отличіе отъ *научнаго* матеріализма, котораго я конечно не отрицаю.

идеала, низводящаго человѣка на ступень животнаго и товара; какъ и тогда, только бѣдняки и лишенные наслѣдства являются тѣми, въ которыхъ возросло сѣмя новаго міра; какъ и тогда, такъ и теперь у насъ произошелъ разрывъ съ національными предразсудками. Все-же есть существенная разница: соціализмъ не имѣетъ противъ себя *науки*, напротивъ, онъ крѣпко опирается на нее, хотя жрецы науки большей частью и служатъ мамонѣ; онъ является не только дѣломъ чувствъ, но также и дѣломъ ума; онъ основывается на ясномъ сознаніи существующихъ общественныхъ отношеній и имѣетъ опредѣленную, осуществимую программу для переустройства общества и государства, или проще сказать: общества, такъ какъ государство ничто иное, какъ (болѣе, или менѣе хорошо) организованное общество. Какъ дѣло чувства и совѣсти, онъ носитъ въ себѣ всю силу христіанства—обратите вниманіе, я здѣсь говорю о христіанскомъ движеніи въ его первой стадіи —, какъ дѣло ума, онъ носитъ въ себѣ всю силу науки. Но, если даже только одно чувство дѣлало первыхъ христіанъ непреодолимыми, то какъ же безнадежна тогда борьба противъ соціализма, чувство котораго даетъ ему силу религіи, умъ-же силу науки!

Если только вѣрно понимать слово «религія», то я-бы сказалъ: *соціализмъ естъ въ то-же время и религія, и наука*. Коренясь въ сердцахъ рабочихъ, соціализмъ не можетъ быть истребленъ ни хитростью, ни силой, ни софистическими, ложными доводами, ни полиціей, ни игольчатымъ ружьемъ. Въ каждомъ рабочемъ сознательно, или безсознательно, болѣе или менѣе развитъ зародышъ соціализма и этотъ зародышъ, — зародышъ новаго міра — задушитъ невозможно. И ничто не можетъ здѣсь помочь: можно лгать, закрывать глаза, доносить, избивать, убивать, — все напрасно. Движеніе идетъ съ необходимостью закона природы, преслѣдованія только укрѣпляютъ соціализмъ, какъ они-же укрѣпляли христіанство. Рабочіе умѣютъ умирать за свои убѣжденія, также, какъ умирали христіане. Соціализмъ имѣетъ также своихъ мучениковъ, какъ и христіанство, и, если будутъ убиты еще десятки, сотни тысячъ, это не помѣшаетъ соціализму въ концѣ концовъ побѣдить, также какъ не помѣшало это и

христіанству. Изъ крови каждаго мученика произойдутъ сотни новыхъ мучениковъ: усиленная опасность закалитъ чувство храбрости и — по одному изъ выраженій французской революціи: «кто заключилъ договоръ со смертью, тому побѣда обезпечена». «Кровь и желѣзо» пусть устрашаютъ трусовъ, мы-же смѣемся надъ угрозами и опасностями.

Посмотримъ на Францію, на это огромное политическое и соціальное опытное поле, гдѣ еще такъ недавно разыгралась эта страшно величественная *трагедія* Коммуны. Соціалистическій пролетаріатъ, поднявшійся на бушующихъ волнахъ событій въ Парижѣ на высоту политической власти, погибъ подъ давленіемъ соединенныхъ силъ прусской и французской армій; сорокъ тысячъ рабочихъ были убиты во время и послѣ борьбы, столько-же были арестованы, чтобы въ нездоровыхъ тюрьмахъ, въ затхлыхъ стѣнахъ кораблей, въ раскаленныхъ песчаныхъ степяхъ и ядовитыхъ болотахъ Новой Каледоніи пасть жертвами «сухой гильотины». Какое ликованіе у представителей стараго міра! Соціальный вопросъ былъ сжитъ со свѣта, соціализмъ въ лицѣ 80 000 соціалистовъ убитъ или преданъ смерти!

Соціализмъ убитъ? У этихъ господъ плохая память. Двадцать три года до этой катастрофы Парижъ представлялъ арену подобной-же трагедіи, не менѣе величественной, хотя и не въ такихъ большихъ размѣрахъ. Французская *февральская революція* въ общихъ чертахъ вамъ извѣстна. Парижскій пролетаріатъ низвергнулъ іюньскій тронъ. Онъ принялъ въ серьезъ фразы возмущенія либеральной буржуазіи объ испорченности буржуазнаго королевства и ударилъ въ корень зла. Но революція не была для него только фразой, онъ не хотѣлъ уничтожить эксплуатаціи и испорченности въ одной формѣ, чтобы въ другой ихъ снова возвести на престолъ.

Было созвано временное правительство, состоящее въ большинствѣ изъ «приличныхъ» республиканцевъ съ нѣсколькими представителями соціализма въ придачу. Рабочіе, болѣе довѣрчивые и великодушные, чѣмъ умные, объявили правительству: «Мы знаемъ, что большинство изъ васъ не сочувствуетъ нашимъ стремленіямъ, но мы, на сколько возможно желаемъ

избѣжать дальнѣйшаго кровопролитія—*мы согласны на три мѣсяца бѣдствій;* три мѣсяца мы будемъ терпѣть лишенія; эти три мѣсяца мы вамъ даемъ на испытаніе. Если по истеченіи срока мы увидимъ, что вы честны, что вы хотите что-нибудь сдѣлать для голодающаго пролетаріата, хорошо, тогда соціальный вопросъ мирно разрѣшится. Но, если мы увидимъ, что мы снова обмануты, тогда уже мы должны сами себѣ помочь». Правительство все обѣщало и во всемъ обмануло. Національныя мастерскія, которыя наша невѣжественная пресса считала твореніями соціализма, устраивались для того, чтобы создать *рабочую армію противъ соціализма*, это былъ опытъ, разбившійся о живое классовое сознаніе французскаго рабочаго. Пролетаріатъ не удалось провести за носъ — приходилось истребить его картечью.

Приняты были необходимыя мѣры и, когда буржуазія (засѣдавшая во временномъ правительствѣ и въ созванномъ тогда національномъ собраніи) была увѣрена въ своей побѣдѣ, она выбросила 30 000 рабочихъ изъ національныхъ мастерскихъ на улицу и принудила ихъ или умереть съ голоду, или бороться. Трехмѣсячный срокъ «векселя голодовки», выставленный 18 марта, какъ разъ истекъ. 21-го и 22-го Іюня пролетаріатъ подготовлялся къ битвѣ — на слѣдующій день война загорѣлась. Не моя задача развертывать здѣсь картину всѣхъ подробностей *іюньскаго возстанія*. Достаточно сказать, что послѣ четырехдневной, героической борьбы, 40 000 рабочихъ пали подъ ударами арміи въ 80 000 регулярныхъ солдатъ и 40 000 національной гвардіи и мобилей. Ужаснѣйшія жестокости были совершены побѣдителями—тысячами плѣнные убивались; число рабочихъ, павшихъ въ борьбѣ и убитыхъ потомъ насчитывается около двѣнадцати тысячъ; и почти такое-же число плѣнныхъ, которыхъ убить сразу побоялись, но которые были отправлены въ Ламбессу и Кайенну, гдѣ большинство погибло отъ жестокаго обращенія и климата.

Невыразимое ликованіе обуяло буржуазію по поводу пораженія іюньскихъ борцовъ, соціализмъ былъ уничтоженъ, «общество спасено» вмѣстѣ со всѣмъ, что на него навѣшено, вмѣстѣ съ «семьей», «собственностью» и Богъ знаетъ еще какими прекрасными ве-

Ч 6818.

щами, обоготворяемыми буржуазіей на словахъ, но въ дѣйствительности затоптанными и оскверненными ею.

Соціализмъ былъ убитъ! Двѣнадцать тысячъ «разбойниковъ», «убійцъ—поджигателей», «современныхъ варваровъ» — я не въ состояніи перечислить всѣхъ ругательствъ, которыя тогда были въ ходу; прочтите статьи *нашей* прессы относительно французской Коммуны и вы найдете весь списокъ; журнальные прислужники буржуазіи не потрудились изобрѣсти новыхъ ругательствъ—двѣнадцать тысячъ соціалистовъ убиты, двѣнадцать тысячъ на пути къ «сухой гильотинѣ» — кто могъ еще тогда ожидать какой-нибудь опасности въ будущемъ? Соціализмъ былъ мертвъ и похороненъ; трупъ былъ крѣпко затоптанъ въ землю — могъ-ли соціализмъ снова воскреснуть? Время шло—республика также должна была въ скоромъ времени сойти въ могилу и лечь рядомъ съ соціализмомъ. И самъ Наполеонъ воздвигъ на этой могилѣ свой тронъ — могъ-ли снова воскреснуть мертвый соціализмъ? Правили «кровь и желѣзо»; печать была или порабощена, или подкуплена; все было направлено къ тому, чтобы привлечь рабочихъ на сторону имперіи; чувство массъ систематически отравлялось; явная и тайная полиція была организована въ еще небывалыхъ размѣрахъ и сдѣлалась высшимъ государственнымъ учрежденіемъ; армія превратилась подобно ея истинному назначенію въ современномъ государствѣ, въ гвардію преторіанцевъ, дрессированныхъ противъ народа, подобно бульдогу, который дрессируется для нападенія на человѣка; однимъ словомъ, всѣ спасательныя средства реакціоннаго государственнаго искусства были пущены въ ходъ, чтобы предотвратить новый взрывъ. Болѣе того, что сдѣлалъ Бонапартъ, никакое правительство сдѣлать не могло, и, я не думаю, чтобы существовало еще второе правительство, которое было бы въ состояніи сдѣлать столько-же. То, что Бисмаркъ и Штиберъ въ настоящее время дѣлаютъ въ этомъ направленіи, только подражаніе имперіи. Не удивительно, что Бонапартъ сдѣлался кумиромъ буржуазіи, и не только французской, нѣтъ, но буржуазіи всѣхъ странъ, особенно нѣмецкой. Каждый изъ васъ, друзья мои, помнитъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ наша либеральная пресса: Кладдерадачъ, Народная газета,

Національная газета — и чѣмъ «либеральнѣе», тѣмъ усерднѣе—по византійски преклонялась передъ человѣкомъ 2-го Декабря. *Онъ* явился провидѣніемъ въ образѣ человѣка, одареннаго божественными атрибутами всемудрости и всемогущества. И чѣмъ все это кончилось?

Двадцать два года гигантъ, считавшійся мертвымъ, лежалъ подъ землей, но вотъ онъ началъ выпрямлять свои члены, и 4-го Сентября 1870 года онъ поднялся и вышелъ изъ своей могилы,—тронъ *Бонапарта палъ, и соціализмъ ожилъ.*

Полгода спустя образовалась Парижская Коммуна. Соціализмъ, который въ 1848-мъ году продержался въ борьбѣ только 4 дня, этотъ разъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ сопротивлялся соединеннымъ усиліямъ французской солдатчины порядка, подерживаемой пруссаками, и его преодолѣли только послѣ 8-ми дневной уличной битвы. Рѣзни было больше, чѣмъ въ 1848-мъ году, и число ссылаемыхъ удвоилось. Французская буржуазія рѣшила на этотъ разъ произвести основательную чистку, и буржуазія остальныхъ странъ съ восторгомъ ей рукоплескала.

Но теперь, когда едва прошло четыре мѣсяца, буржуазія начинаетъ уже сознавать, что ея побѣда — побѣда Пирра, что она ударила ножемъ въ свое собственное тѣло. Она произвела такую чистку, что у нея не хватаетъ теперь рабочихъ ни въ мастерскихъ, ни на фабрикахъ. А соціализмъ не убитъ, онъ живетъ въ Парижѣ, во Франціи, въ Германіи, во всѣхъ культурныхъ странахъ — онъ живетъ въ груди каждаго рабочаго, сердце котораго въ состояніи чувствовать, голова котораго въ состояніи думать. Не можетъ-же буржуазія убить всякаго рабочаго; и если-бы ей это удалось, чего-бы она этимъ достигла? *Она бы совершила самоубійство.* Буржуазія существуетъ благодаря рабочимъ; *безъ* рабочихъ она перестаетъ существовать и *черезъ* рабочихъ она погибнетъ — изъ этой неумолимой дилеммы ей не выйти. Развитіе буржуазіи требуетъ возраастающаго массового пролетаріата; но экономическія отношенія толкаютъ пролетаріатъ въ соціализмъ. Чѣмъ больше власти у буржуазіи, тѣмъ сильнѣе возрастаютъ массы пролетаріата, тѣмъ сильнѣе соціалистическое движеніе, тѣмъ сильнѣе *против-*

ники буржуазіи. Если буржуазія хочетъ оставаться буржуазіей, она должна укрѣплять пролетаріатъ, а съ нимъ и соціализмъ, который ее-же и уничтожитъ. Если-же она борется съ пролетаріатомъ и соціализмомъ, то она разрушаетъ основаніе своей собственной власти, своего *существованія*. Въ этомъ cercle vicieux, въ этомъ «заколдованномъ кругу» она должна погибнуть.

«Кровь и желѣзо» не въ состояніи сжить со свѣта соціалистическаго движенія. Въ Іюнѣ 1848 года былъ сдѣланъ напрасный опытъ; и Парижская кровавая свобода 1871 году не имѣла большого успѣха. Подобно тому, какъ Іюньское возстаніе праздновало свое воскресенье въ коммунѣ, такъ впослѣдствіи и сама Коммуна будетъ праздновать свое воскресенье; съ возрастающейся силой будутъ повторяться взрывы, пока старый міръ не истощитъ всѣхъ своихъ спасательныхъ средствъ и не разрушится. — или возможно, что все окончится и мирнымъ путемъ.

Грубая сила не въ состояніи задушить соціализма. Кто проникнутъ сознаніемъ своего права, тотъ не знаетъ страха. Пусть насъ бросаютъ въ тюрьму, пусть убиваютъ насъ—наше дѣло отъ этого не пострадаетъ. Непобѣдимый духъ, который помогъ древнимъ христіанамъ съ улыбкой выноситъ мученичество, воодушевляетъ и соціалдемократовъ. Мы шествуемъ дальше по тому пути, по которому насъ заставляетъ итти наше убѣжденіе, и, если этотъ путь покрытъ даже трупами, мы двигаемся впередъ подобно атакующей колоннѣ, ряды которой уменьшаются отъ пулей враговъ, — впередъ, пока цѣль не будетъ достигнута.

Одной силой съ соціалдемократіей ничего не подѣлаешь; это хорошо сознается и нашими врагами; они думаютъ побѣдить насъ «*умственнымъ*» оружіемъ. Они создаютъ рабочіе союзы, гдѣ рабочему внушаютъ, что между капиталомъ и трудомъ существуетъ полнѣйшая «гармонія»; въ прямомъ интересѣ рабочаго итти рука объ руку съ работодателемъ, и что яблоко раздора изъ за соціальнаго вопроса было брошено между этими двумя классами кучкой честолюбивыхъ, недобросовѣстныхъ, или просто крайне сумасбродныхъ людей.

Пусть же противники продолжаютъ основывать

рабочіе союзы; они основываютъ ихъ для насъ! Вся фальшь ученія о гармоніи довольно чувствительнымъ образомъ доказывается рабочему повседневной практикой и, если даже онъ подъ вліяніемъ буржуазной прессы особенно возстановленъ противъ соціалдемократіи, то выражаясь по-просту, онъ скоро разнюхаетъ классовую противоположность и все его существо проникнется соціальной борьбой и, наученный опытомъ, онъ пойметъ, что при настоящемъ капиталистическомъ производствѣ интересы рабочаго и работодателя прямо *противоположны* другъ другу: указать хотя бы только на то, что интересъ рабочаго заключается въ требованіи какъ можно большей заработной платы, интересъ-же работодателя въ стремленіи какъ можно больше понизить ее. Въ этомъ одномъ разногласіи—не говоря вообще о политическомъ и соціальномъ положеніи этихъ двухъ классовъ — уже лежитъ источникъ безконечныхъ, безпрестанныхъ столкновеній и споровъ, однимъ словомъ, *классовая борьба* въ болѣе или менѣе острой формѣ. И такъ и въ послѣднее время мы должны были пережить странную иронію исторіи, заключавшуюся въ томъ, что самыя ожесточенныя, самыя продолжительныя *стачки*,—а стачка, т. е. прекращеніе, работы, послѣ уличной битвы самая сильная форма классовой борьбы, — что самыя большія и самыя выдержанныя стачки въ Германіи, стачки въ Вальденбургѣ, въ Форстѣ и т. д. исходили отъ рабочихъ, изучавшихъ въ мастерскихъ Гиршъ-Дункера евангеліе гармоніи, но для которыхъ это теоретическое молоко набожнаго образа мыслей, благодаря практическому обращенію со стороны работодателей, превратилось въ жгучій змѣиный ядъ. При случаѣ надо замѣтить, что самый крайній «рабочій эксцессъ» послѣдняго времени произошелъ на прусскомъ *казенномъ* рудникѣ (Кёнигсгютте), куда не проникалъ ни одинъ атомъ соціалистическаго яда.

Я думаю, этого одного достаточно, чтобы весь вздоръ утвержденія, будто-бы соціальное движеніе «*вызвано*» отдѣльными личностями, выставить въ надлежащемъ свѣтѣ. Но всмотримся немного глубже въ этотъ вопросъ. Нѣсколько человѣкъ, слѣдовательно, были зачинщиками движенія, одинаково охватившаго всѣ культурныя страны и почти уже цѣлое поколѣніе

опредѣляющаго судьбы Европы,—безъ котораго, между прочимъ, мы не можемъ себѣ представить вторую имперію, и безъ котораго опять-таки было-бы немыслимо все хозяйничанье Бисмарка. Какое оскорбленіе для рабочаго въ такомъ предположеніи! Сотни тысячъ, милліоны рабочихъ могли допустить, чтобы ихъ головы вскружила кучка людей, за которыми-бы они бѣжали безъ оглядки какъ стадо барановъ за своими передовыми баранами!

О вы господа буржуа и всѣ остальные господа реакціонеры!

Если-бы рабочіе были такими несамостоятельными, какъ вы предполагаете, или по крайней представляетесь, что предполагаете, они-бы уже трепетали въ *вашихъ* сѣтяхъ, вѣдь вы употребляете всѣ усилія, чтобы только ихъ поймать и вы по истинѣ обладаете въ тысячу разъ бо̀льшими средствами для нравственнаго и матеріальнаго воздѣйствія на рабочихъ, чѣмъ соціалдемократы! Кромѣ того существеннымъ признакомъ нашей партіи служитъ принципіальная борьба противъ всякой *вѣры въ авторитетъ* и рѣшительное отрицаніе всякаго личнаго предводительства. Но это предположеніе не только обида для рабочихъ, не только невѣрно въ данномъ случаѣ, но оно даже само по себѣ совершенно *не научно*, это предположеніе—выраженіе взгляда, основаннаго на положительномъ невѣденіи историческаго процесса развитія.

Ребенокъ со своей живой фантазіей и своимъ неразвитымъ умомъ населяетъ міръ принцами, великанами, колдунами. Вездѣ онъ предполагаетъ нѣчто сверхественное, необыкновенное, повсюду, ему кажется, властвуютъ тайныя силы. На такой-же дѣтской, или лучше сказать, ребяческой точкѣ зрѣнія стоятъ всѣ тѣ, которые смотрятъ на исторію человѣчества, какъ на продуктъ нѣсколькихъ, изъ ряду вонъ выходящихъ или добрыхъ, или дурныхъ людей и въ каждомъ событіи, въ каждомъ движеніи предполагаютъ прихоть, своеволіе того или другого индивидуума, котораго они надѣляютъ всевозможными сверхестественными качествами, чтобы онъ подходилъ къ той роли, которую они ему предназначали. На этой точкѣ зрѣнія стояло все наше историческое писательство новѣйшаго времени, оно представляло—и къ сожалѣнію представ-

ляетъ еще теперь для большинства, которымъ недоступны новыя произведенія науки—, перечисленіе ряда именъ знаменитыхъ князей, полководцевъ и другихъ «героевъ» *) съ примѣсью разсказовъ о битвахъ, смертельныхъ ужасахъ, заговорахъ,—однимъ словомъ сенсаціонный романъ нисшаго сорта, на половину разсказъ о рыцаряхъ, и о разбойникахъ, на половину дѣтскія сказки. *Научная* исторія (слѣдуетъ, конечно, отличать отъ *ученой*), которая появилась еще очень недавно и главнымъ представителемъ которой является англичанинъ Бокль, смотритъ на человѣческое развитіе, какъ на необходимый результатъ соотношеній между человѣкомъ и природой. Она, какъ вообще наука, не признаетъ ни произвола, а только необходимость, ни прихоти, а только разнообразіе, ни сверхестественнаго и необыкновеннаго, а только естественное и все, что является слѣдствіемъ всеобщихъ законовъ. Сверхестественные образы старомодныхъ сказокъ, или историческихъ сказокъ исчезаютъ передъ критикой, подобно страшнымъ темнымъ видѣніямъ, исчезающимъ передъ лучами утренняго солнца; культъ героевъ выбрасывается въ хламъ суевѣрія, — *«великіе люди» будутъ унижены, а человѣчество возвысится.*

Ходъ исторіи представляетъ постоянную борьбу человѣка съ природой, безпрерывную борьбу за существованіе—сначала борьбу, чтобы не быть побѣжденнымъ природой, а потомъ борьбу, чтобы побѣдить ее. Пріобрѣтеніемъ этой стотысячелѣтней борьбы является наша современная культура.

Друзья мои, вамъ всѣмъ несомнѣнно извѣстно, что библейская исторія творенія опровергнута наукой. Человѣкъ не вышелъ изъ руки творца совершеннымъ, а потомъ постепенно такъ выродился, что Богу пришлось послать пророковъ, спасителей, и еще подобныхъ сверхестественныхъ существъ для спасенія отъ совершенной погибели существъ, «сотворенныхъ по образу и подобію его»; человѣчество также существуетъ не только пять или шесть тысячелѣтій. Геологическія изслѣдованія показали въ точности, что земля въ ея твердомъ видѣ—о возрастѣ матеріи, изъ которой

---

*) Я употребляю здѣсь слово въ широкомъ смыслѣ Карлейля.

состоитъ земля, мы говорить не можемъ, такъ какъ матерія не имѣетъ ни начала, ни конца—, существуетъ уже милліоны лѣтъ, и что человѣкъ уже существовалъ стотысячелѣтія въ приблизительно такомъ-же видѣ, въ какомъ мы его встрѣчаемъ въ настоящее время.

Уже милліарды лѣтъ тому назадъ, во времена мамонта, человѣкъ достигъ, насколько мы можемъ судить по найденнымъ каменнымъ орудіямъ, такой культуры, которая ставитъ его много выше животнаго и заставляетъ предполагать о предшествующихъ трудахъ безчисленныхъ поколѣній. По быстрому ходу настоящаго времени мы не должны судить о прогрессѣ первобытнаго времени. Нынѣ, когда мы стоимъ на плечахъ всѣхъ прежнихъ поколѣній, пользуясь накопленной ими культурной работой, факторы прогресса сильно повышены, въ то время, какъ самый незначительный прогрессъ первобытнаго времени былъ дѣломъ тысячелѣтій, что можно заключить по небольшой разницѣ всевозможныхъ ископаемыхъ орудій, принадлежащихъ къ эпохамъ довольно отдаленнымъ другъ отъ друга. Первобытный человѣкъ не былъ тѣмъ прямо выступающимъ, гордо въ небо смотрящимъ существомъ, на выпукломъ челѣ котораго начертано право быть господиномъ творенія, какимъ его описываетъ миѳъ ветхаго завѣта. Его родословная ставитъ его рѣшительно въ рядъ съ другими животными; какъ и имъ, такъ и ему, пришлось пережить всѣ стадіи развитія, начиная съ простой клѣтки; но, благодаря теченію благопріятныхъ обстоятельствъ ему удалось превзойти родственниковъ. Какіе колоссальные промежутки времени прошли, пока человѣкъ не вступилъ въ историческій вѣкъ,—объ этомъ можно только догадываться, но этого нельзя расчитать. Во всякомъ случаѣ историческая эпоха составляетъ только незначительный періодъ времени въ сравненіи съ доисторической, т. е. той темной эпохой, когда человѣкъ еще не былъ въ состояніи создавать памятниковъ своего существованія. Историческій вѣкъ начинаетъ разцвѣтать только съ того момента, когда человѣкъ показываетъ способность основывать *общества*. Пока человѣкъ существовалъ самъ для себя, или самое большее достигъ образованія бродячихъ племенъ, какъ это бываетъ у всѣхъ животныхъ, до тѣхъ поръ ни о какой

исторіи не могло быть и рѣчи. Его исторія начинается только съ того момента, когда онъ становится «*общественнымъ политическимъ животнымъ*» (zoon politikon). *Отдѣльно взятый*, онъ не могъ возвыситься надъ животнымъ, только въ *обществѣ*, въ сообществѣ съ себѣ равными это ему удалось. Только черезъ общество человѣкъ становится человѣкомъ. Весь прогрессъ, вся культура есть общественное дѣло. И чѣмъ шире общественный кругъ, тѣмъ быстрѣе прогрессъ, тѣмъ интенсивнѣе культура. Начиная отъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и расширяясь въ родъ, въ націю и въ концѣ концовъ въ міровое гражданство—вотъ ходъ человѣческаго развитія.

Только въ обществѣ лежитъ также и зародышъ *нравственности*. Человѣкъ долженъ понять, что ему выгоднѣе войти въ союзъ со своими ближними, чѣмъ воевать съ ними и, вслѣдствіе этого, находиться въ постоянной опасности и въ постоянномъ страхѣ. Основное положеніе всякой нравственности: дѣлай твоему ближнему то, что ты желаешь, чтобы онъ тебѣ дѣлалъ, есть продуктъ *нужды*, которая вызвала въ людяхъ сознаніе ихъ *солидарныхъ* интересовъ. Конечно эта солидарность могла относиться сначала къ очень тѣсному кругу близкихъ людей и расширялась лишь постепенно въ школѣ долгихъ, тяжелыхъ испытаній, пока мы теперь наконецъ не дошли до того, что послѣднія преграды къ солидарности могутъ быть поддерживаемы только силой штыковъ. Понятіе о *всеобщей человѣческой солидарности* есть высшее понятіе культуры и морали; и задача соціализма состоитъ въ томъ, чтобы осуществить его въ совершенствѣ.

И такъ культура есть *общественное дѣло*. Каждый человѣкъ, живущій когда либо, долженъ былъ бороться за существованіе и этой борьбой онъ способствовалъ утвержденію человѣческаго господства надъ другими животными и надъ природой. Каждый въ отдѣльности вноситъ свою долю въ сумму накопленныхъ пріобрѣтеній культуры. И «великіе люди», о которыхъ повѣтствуетъ историческій миѳъ, если они дѣйствительно существовали, также приносили свою лепту—поощряемые обстоятельствами, но можетъ быть немного бо́льшую, чѣмъ неизвѣстные ихъ собратья; — во всякомъ случаѣ, этому способствовало также только *общество*.

Въ то время, какъ историческій миѳъ оцѣниваетъ народы по необыкновеннымъ дѣламъ нѣсколькихъ великихъ людей, критическая исторія, напротивъ, считаетъ этихъ такъ называемыхъ великихъ людей продуктомъ народовъ. Въ глазахъ науки нѣтъ пощады ни политическимъ, ни религіознымъ идоламъ. Подобно христіанамъ, сбросившимъ когда то языческихъ идоловъ со своихъ пьедесталовъ и показавшихъ испуганному народу, что великій Богъ, котораго они такъ боялись, представляетъ ничто иное, какъ гнилое дерево, или груду камней, также и наука сбрасываетъ «великихъ людей» съ ихъ пьедестала и показываетъ, что народы въ нихъ преклонялись лишь своей собственной фантазіи. Возьмемъ, можетъ. самаго могучаго изъ рисуемыхъ намъ историческимъ миѳомъ: Наполеона, да, этого Наполеона. Какія легенды не соединены съ его именемъ! Какія сверхчеловѣческія дѣла не приписываются ему! Пусть будетъ такъ — но историческая критила сорвала съ его головы лучезарный вѣнецъ и спустила этого необыкновеннаго человѣка на ступень простого авантюриста, съ ловкостью хитраго игрока воспользовавшагося отбоемъ революціоннаго вала, чтобы занять выгодное положеніе, представленное ему обстоятельствами: его военные и законодательные подвиги лишены своего краденаго блеска и доказано, что на всѣхъ поприщахъ онъ своей славой обязанъ твореніямъ французской революціи,—слѣдовательно никакъ не отдѣльному великому человѣку, а большому *сообществу людей**). Согласно вердикту исторіи и на основаніи правильнаго разсужденія, что люди не могутъ быть свободными, пока они не освободились отъ всякаго суевѣрія, а особенно отъ всякаго культа личности (который самый ужасный изъ всѣхъ культовъ идолопоклонства, такъ какъ идолы на землѣ ближе намъ и потому опаснѣе для насъ, чѣмъ тѣ, которые сосланы на небо) — въ сознаніи такой истины парижская коммуна разбила Вандомскую колонну; и мы будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени всѣ подобные идолы,

*) На поприщѣ административнаго и военнаго искусства, также и законодательства Наполеонъ, какъ это теперь констатировано, украшалъ себя перьями національнаго собранія и конвента.

живые и мертвые, какъ состоящіе изъ мяса и костей, такъ и изъ желѣза и мрамора, будутъ разбиты въ дребезги.

Научная исторія есть самая основательная учительница демократіи, такъ какъ она выставляетъ всѣ претензіи аристократіи въ ихъ ничтожествѣ. Она способствуетъ исчезновенію героевъ и колдуновъ и уступаетъ право *человѣку*, право *каждому*. Мы обязаны своей культурой не сверхестественной силѣ нѣсколькихъ избранниковъ — нѣтъ, человѣчество возвысилось подобно коралловымъ островамъ на Тихомъ Океанѣ, благодаря *коллективной работѣ* милліоновъ и милліардовъ индивидуумовъ безчисленныхъ поколѣній. Или приведемъ другое сравненіе: вы, мои друзья, конечно слыхали о существованіи инфузорій, которыя такъ малы, что видимы только черезъ увеличительное стекло, но которыя посредствомъ ихъ массовой работы измѣнили поверхность земли; вамъ конечно также извѣстно, что *Берлинъ* зиждется отчасти на слоѣ такихъ инфузорій. Вотъ, подобно этимъ инфузоріямъ, которыя должны были трудиться тысячи тысячилѣтій чтобы положить фундаментъ для великолѣпныхъ зданій «новой императорской столицы», точно также должны были тысячи тысячъ человѣческихъ поколѣній трудиться, чтобы создать фундаментъ нашей современной культуры. Не тотъ или другой человѣкъ поднялъ насъ на нашу настоящую высоту,—нѣтъ, это коллективная работа всѣхъ; и предположимъ, что всѣ эти сверхестественные люди не существовали бы, то все же *дальше того, гдѣ мы стоимъ, мы-бы не стояли*.

Наши противники безсознательно все это признаютъ, сбрасывая своихъ человѣческихъ кумировъ въ грязь. если послѣдніе имъ перестаютъ служить, подобно дикимъ, разбивающимъ въ дребезги своихъ идоловъ, когда эти отказываются совершать желаемыя чудеса. *Бонапартъ*, фальшивый племянникъ своего дяди, вчера еще величайшій «государственный человѣкъ» міра, сегодня же презираемый своими поклонниками лежитъ затоптанный въ пыли, а кумиромъ на его мѣсто поднимается *Бисмаркъ*. На долго-ли? Этого мы не знаемъ; одно мы все же знаемъ. что и этотъ идоль падетъ и будетъ проклинаться сильнѣе всего тѣми, которые наиболѣе рабски курятъ ему ѳиміамъ.

Наше же сужденіе будетъ тогда и справедливѣе и основательнѣе, такъ какъ намъ не придется переживать разчарованія, и послѣ паденія, наше мнѣніе о немъ не измѣнится ни въ худую. ни въ хорошую сторону.

Друзья! Простите мнѣ это короткое отступленіе! Я хотѣлъ только выяснить, на какихъ неосновательныхъ предположеніяхъ высказывается взглядъ, что человѣческое развитіе есть трудъ отдѣльныхъ, особенно добрыхъ, или особенно дурныхъ индивидуумовъ. Все относящееся къ прошлому касается и настоящаго. Утвержденіе, что настоящее соціальное движеніе искусственно вызвано кучкой своевольныхъ, прихотливыхъ, достойныхъ наказанія людей, положительно не научно и можетъ исходить только отъ дѣтей, невѣждъ или полицейскихъ душъ, также и вѣрить могутъ ему только дѣти, невѣжды и полицейскія души!

Наше-же стремленіе—«*стремленіе революціонное*»! Революція! Картина ужаса для всѣхъ бабъ обоихъ половъ! Да, мы революціонеры! Мы хотимъ переустройства современнаго общества съ головы до ногъ. По взглянемъ этой картинѣ ужаса прямо въ глаза, и ужасъ разсѣется. Мы живемъ среди революціи и мы живемъ благодаря революціи! *Вся человѣческая исторія есть постоянная революція*,—она—возникновеніе, ростъ, перемѣна, прогрессъ — постоянное измѣненіе, потому что она постоянно производитъ жизнь. Пока человѣкъ живетъ, онъ революціонеръ. Тѣмъ, что онъ недоволенъ своимъ существованіемъ, недоволенъ тѣмъ, что у него есть, постоянно стремится къ высшему—въ этомъ именно заключается его человѣческое существо. Перестанетъ человѣкъ, перестанетъ человѣчество быть революціоннымъ, тогда перестанетъ человѣкъ, перестанетъ человѣчество *существовать*. Въ революціи, въ движеніи — *жизнь*, въ отсутствіи революціи, въ затишьи — *смерть*.

Но слово революція имѣетъ конечно еще другое, болѣе узкое значеніе. Подъ нимъ понимается «*насильственный*» разрывъ со всѣми существующими государственными и общественными формами. Это такъ, но чѣмъ и кѣмъ вызывается этотъ насильственный разрывъ? На комъ лежитъ отвѣтственность за *всѣ* прежнія *революціи?* Не на тѣхъ же, которые по за-

конамъ человѣческаго развитія стремились дать новыя формы новому содержанію, новое выраженіе новымъ идеямъ, — нѣтъ, виноваты тѣ, которые по близорукости или эгоизму старались помѣшать ходу человѣческаго развитія. Какъ потокъ—я привожу здѣсь это хотя часто употребляемое, но очень удачное сравненіе — тихо течетъ, если никакое препятствіе ему не мѣшаетъ, но задержанный скалами, образуетъ дико бушующіе водопады, или, уничтожая все вокругъ, разливается по берегамъ — также и теченіе міровой исторіи. Только тамъ, гдѣ выростаютъ препятствія, образуются пороги, водопады, потопы, — возстаніе, мятежъ, революція. И такъ всѣ революціи, о которыхъ повѣствуетъ исторія, въ этомъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, были вызваны не такъ называемыми революціонерами, а тѣми, которые ставили преграды естественному ходу развитія. *Потому всѣ революціи носятъ не наступательный, а оборонительный характеръ.* Оборонительной была *крестьянская война*—она велась для защиты самыхъ святыхъ человѣческихъ правъ, не признаваемыхъ феодальнымъ государствомъ; обороной было *взятіе Бастиліи*— сдѣлавшись необходимымъ вслѣдствіе угрожающихъ волненій придворныхъ войскъ; обороной было *взятіе Тюльери* 10-го августа 1792 г. *и терроризмъ*—все это было необходимо для защиты Франціи отъ заговоровъ внутри и нападеній извнѣ; *іюльская революція* была обороной противъ нападенія короля бурбоновъ на гражданскую свободу; *февральская революція* была обороной противъ вліянія испорченнаго буржуазнаго королевства; *мартовская революція* служила обороной противъ враждебныхъ народу поступковъ камариллы; оборонительной была *іюньская война*, навязанная пролетаріату буржуазіей, желавшей во что бы то ни стало подавить соціализмъ; оборонительной была *сентябрская революція*, чтобы спасти Францію отъ послѣдствій позорнаго государственнаго переворота подъ Седаномъ; обороной, наконецъ, была вызвана *коммуна*, этотъ трагическій опытъ, чтобы спасти французскую республику, послѣ того, какъ Франція въ продолженіи одного года два раза была предана своимъ правительствомъ.

Такъ и въ будущемъ не будетъ иной революціи, какъ только для защиты. Мы революціонны, но революціонное движеніе, въ которомъ и для котораго мы

дѣйствуемъ, *только въ томъ случаѣ* будетъ актомъ насилія и вызоветъ кровопролитіе, *когда этого захотятъ наши противники*, т. е. правительство и буржуазія.

Друзья! Послѣ того, какъ я въ общемъ постарался доказать, что наше движеніе вызвано не искусственно, но органически выросло изъ обстоятельствъ, слѣдовательно и не можетъ остановиться, прежде, чѣмъ всѣ причины будутъ удалены, я думаю теперь въ отдѣльности разобрать всѣ главнѣйшіе упреки, возраженія, нападки, которыми осыпаетъ насъ враждебная намъ пресса и благодаря которымъ стараются отчасти умалить достоинство нашей партіи въ глазахъ общества, отчасти раздѣлить саму нашу партію.

Сначала стараются систематически оклеветать такъ называемыхъ «*вождей*», чтобы лишить ихъ довѣрія остальныхъ товарищей. «*Вожди*», говорятъ они — и мы можемъ ежедневно это видѣть въ мелкихъ и крупныхъ оффиціальныхъ буржуазныхъ газетахъ — «„*вожди*“ кормятся пòтомъ рабочихъ», «они проводятъ время въ удовольствіяхъ на счетъ рабочихъ», «на свою политическую дѣятельность они смотрятъ, какъ на доходное дѣло» и. т. д. — Я конечно знаю такихъ людей, которые откармливаются пòтомъ рабочихъ и живутъ въ свое удовольствіе на счетъ рабочихъ — и это *господа буржуа*, богатѣющіе на счетъ своихъ наемныхъ рабовъ, которымъ они не выплачиваютъ полной заработной платы за ихъ трудъ; и, что касается господъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ высшихъ — такъ какъ низшій чиновникъ, несмотря на то. что онъ чиновникъ, принадлежитъ къ пролетаріямъ и въ его интересахъ идти съ нами заодно — то я спрашиваю: откуда идетъ жалованіе на ихъ содержаніе? Не изъ налоговъ-ли? А кто платитъ налоги? Никто иной, какъ рабочій: промышленный и сельскій рабочій, платящіе *всѣ* налоги, даже тѣ которые получаются не прямо въ формѣ налоговъ. Пусть эти господа оглянутся-ка на самихъ себя! «Жить пòтомъ рабочихъ!» На дѣлѣ, господа буржуа сами такъ основательно занимаются этимъ, что для насъ уже болѣе ничего не остается. И что возьмешь съ рабочихъ? Современная система эксплуатаціи не даетъ ему достаточно даже для мало-мальски человѣческаго существованія.

Если-бы такъ называемые вожди принадлежали къ къ людямъ, дѣйствующимъ не по убѣжденію, а изъза корыстныхъ цѣлей, да, тогда бы они обратились куда слѣдуетъ, *туда, гдѣ можно что-нибудь получить, къ господамъ буржуа и къ правительствамъ, у которыхъ такая масса денегъ.* Тотъ, кто хочетъ продать себя, продастъ себя тому, кто дастъ ему больше всего денегъ. Я не хочу нарушать чистосердечную вѣру этихъ журналистовъ въ то, что они говорятъ, хотя они по порученію своихъ хозяевъ и бросаютъ намъ въ лицо подобное обвиненіе, но, во всякомъ случаѣ они пользуются счастьемъ служить такому дѣлу, которое имѣетъ больше всего, даже всѣ деньги, и которое въ состояніи оплачивать ихъ трудъ хорошо, очень хорошо и, если они обладаютъ еще талантомъ, — даже блестяще. Милліоны прусскаго фонда печати, хорошо оплачиваемыя мѣста въ государствѣ и въ обществѣ — все это не для насъ.

И совершенно независимо отъ матерьяльныхъ выгодъ, какія «преимущества» имѣютъ «вожди»? Не толи, что, сражаясь въ первомъ ряду, они являются мишенью для нападокъ противниковъ, для преслѣдованій властей? И что еще хуже: что у нихъ отнятъ регулярный заработокъ, что они сброшены съ обычныхъ жизненныхъ путей?

Сама по себѣ борьба — какимъ-бы нечестнымъ оружіемъ она ни велась противъ насъ, мы, вѣдь, не только политически, но и нравственно поставлены внѣ законовъ и къ намъ примѣняютъ: contra hæreticos nulla fides: еретикамъ — ни вѣрности, ни вѣры! — Борьба сама по себѣ имѣетъ и свои волненія и свою прелесть; но нарушенное, часто разрушенное семейное счастье, неизвѣстность существованія, заботы о кускѣ хлѣба, которыя нерѣдко доходятъ до положительной нужды — завидная-ли это доля?

Кто продаетъ себя, дѣлаетъ это, чтобы имѣть возможность жить въ роскоши, а не для того, чтобы нуждаться, не для того, чтобы голодать? Среди такъ называемыхъ «вождей» нашей партіи, я не знаю ни одного, который, благодаря своему положенію въ партіи, не пострадалъ бы въ матеріальномъ отношеніи. И въ этомъ есть самое вѣрное доказательство честности и самоотверженности. Конечно для нашихъ против-

никовъ, которые на практикѣ сдѣлали эгоизмъ своей единственной путеводной звѣздой, а въ теоріи краеугольнымъ камнемъ приводимаго ими ученія о политической т. е. буржуазно-политической экономіи, такая самоотверженность является книгой за семью печатями: они неспособны понять, что есть принципы и идеалы, которые дѣлаютъ нечувствительными къ нуждѣ и опасности тѣхъ, кто ихъ воспринялъ. Тщеславіе, соревнованіе являются сильными рычагами, но тысяча разъ болѣе сильный рычагъ есть чувство долга и сознаніе права.

Друзья мои! Я теперь остановлюсь на тѣхъ различныхъ упрекахъ противъ соціалдемократіи вообще, которые дѣлаются съ двоякой цѣлью: во-первыхъ хотятъ натравить на насъ общественное мнѣніе, во-вторыхъ стараются поколебать малодушныхъ и нетвердыхъ въ своихъ принципахъ членовъ нашей партіи. Насколько удалось первое, мы здѣсь разбирать не будемъ, что-же касается послѣдняго, то, хотя это стараніе и напрасное, все-таки нельзя отрицать, что наши товарищи, подъ вліяніемъ такихъ обвиненій въ мѣстныхъ газетахъ, на моментъ приходили въ замѣшательство. Занимая извѣстное положеніе въ партійной газетѣ, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ этомъ. Разсмотримъ теперь по порядку всѣ важнѣйшія обвиненія, выставляемыя противъ насъ.

Во-первыхъ съ этого я начинаю, потому что для противниковъ оно стоитъ на первомъ мѣстѣ, — насъ обвиняютъ въ томъ, что мы *хотимъ уничтожить собственность*.

Да, друзья мои, болѣе безсмысленной лжи еще не высказывалось! Что такое собственность? На основаніи разума и науки есть только *одинъ* источникъ производства цѣнности въ экономическомъ смыслѣ, *трудъ*. Только трудъ производитъ экономическую цѣнность. Капиталъ, выставляемый нанятыми буржуазіей политико-экономами, какъ второй факторъ производства цѣнности, является самъ по себѣ только продуктомъ труда. Но, такъ какъ трудъ производитъ цѣнность, то этотъ трудъ имѣетъ также право на производимую имъ цѣнность, т. е. *право собственности*. Это право собственности есть основное положеніе соціалдемократіи. *Каждый рабочій долженъ получать*

полный продуктъ своего труда,—другими словами: каждый рабочій имѣетъ право собственности на полный продуктъ своего труда. Моя собственность пусть будетъ продуктомъ моего собственнаго труда. И такъ какъ изъ положенія: каждый имѣетъ право на продуктъ своего труда, вытекаетъ другое положеніе: никто не имѣетъ право на продуктъ *чужого* труда, то соціализмъ стремится сдѣлать собственникомъ каждаго, кто работаетъ, и заставить голодать (я не говорю: умереть съ голоду) того, кто можетъ работать, а не работаетъ. Я не думаю, чтобы кто-нибудь могъ рѣшительнѣе выступать за собственность, чѣмъ дѣлаемъ это мы! Уже въ настоящее время, когда праздность оцѣнивается дороже, чѣмъ трудъ, и матеріальное положеніе людей обратно пропорціонально производительности ихъ труда и полезности ихъ занятій, огромное большинство людей должно работать, я говорю, *дѣйствительно* работать, не ради удовольствія, или «духовно», какъ господа буржуа между прочимъ шутя про себя утверждаютъ — слѣдовательно уже въ настоящее время огромное большинство людей, по *нашимъ* понятіямъ о собственности, должно было бы состоять изъ собственниковъ. Но какъ-же должна быть по *господствующимъ* понятіямъ о собственности, по понятію о собственности нашихъ *противниковъ?* Только незначительное меньшинство владѣетъ собственностью; *собственность есть монополія одного класса,* представляющаго изъ себя небольшую часть населенія, *огромное-же большинство должно для самого себя отказываться отъ собственности и создавать ее для меньшинства.* Именно поэтому мы и возстаемъ противъ буржуазіи: она лишаетъ рабочаго возможности имѣть собственность, она крадетъ его собственность, которая ему принадлежитъ по праву. Поймите меня вѣрно. Я не хочу на всякаго буржуа въ отдѣльности наложить печать вора. Вообще мы имѣемъ дѣло не съ *личностями*, а съ *системой* — въ противоположность нашимъ противникамъ, которые не осмѣливаются критиковать нашу систему, за то насъ лично стараются очернить — вѣрный признакъ того, что они сами не вѣрятъ въ справедливость и силу своего дѣла. Я здѣсь не говорю объ отдѣльныхъ буржуа, я далекъ отъ того, чтобы возлагать *лично* на нихъ отвѣтственность за существующее зло въ современномъ

обществѣ. Нашъ взглядъ на историческое и экономическое развитіе съ самаго начала исключаетъ подобное предположеніе.

Буржуазный міръ съ необходимостью закона природы произошелъ изъ феодальнаго міра, также, какъ феодальный міръ съ своей стороны изъ древняго міра.

Мы понимаемъ исторію съ *органической*, не съ *механической* точки зрѣнія; мы знаемъ, что всякая вещь должна имѣть причину, имѣть свое оправданіе, и только самое очевидное невѣжество можетъ видѣть въ міровыхъ явленіяхъ произволъ добрыхъ или дурныхъ началъ. Мы не осмѣлимся сказать: «Человѣчество шло до сихъ поръ по неправильному пути; мы укажемъ ему единственно вѣрную дорогу и, кто не такъ думаетъ, какъ мы, тотъ глупецъ, или подлецъ!» На такомъ языкѣ говорятъ незрѣлые мальчики или шарлатаны. Наука не знаетъ ошибокъ въ *вещахъ*, она знаетъ только ошибки въ томъ, какъ *понимаются* вещи. Производство настоящаго времени органически развилось изъ прежнихъ системъ производства, оно представляетъ *болѣе высокую* систему производства, чѣмъ прежнія системы и потому оно имѣетъ полное оправданіе. Но теперь на его пути становится новая система производства—соціалистическая—которой оно конечно должно будетъ уступить, точно также, какъ ему самому уступило мѣсто средневѣковое и мелкобуржуазное производство.

И такъ, *мы не возстаемъ вообще противъ собственности, а только противъ собственности въ ея настоящей формѣ*—противъ собственности, пріобрѣтаемой эксплуатаціей другихъ людей, которые сами-же обречены вовсе не имѣть собственности.

Посмотримъ на-скоро, какъ въ настоящее время создается собственность: «Трудъ есть источникъ всякаго богатства», всецѣло признается научной политической экономіей. Изъ этого слѣдуетъ, что никто не имѣетъ права на цѣнности, не являющіяся продуктомъ или эквивалентомъ продукта *его собственнаго* труда. Но уже доказано, что рабочая сила и производительная способность людей приблизительно равны между собою — одинъ работаетъ немного больше, другой немного меньше, но въ среднемъ это большее или меньшее уравновѣшиваются.

Изъ этого вытекаетъ дальше, что *продуктъ труда* всѣхъ людей, при пользованіи одинаковыми орудіями производства — что конечно всегда бываетъ у одного и того-же народа — приблизительно одинъ и тотъ-же и, слѣдовательно, если бы каждый человѣкъ получалъ продуктъ своего индивидуальнаго труда, то всѣ бы имѣли приблизительно одинаковую собственность. Но, какъ вамъ извѣстно, этого не существуетъ въ дѣйствительности, напротивъ, существуетъ полнѣйшее неравенство. Почему такъ? Вы, друзья мои, находясь въ фабричномъ городѣ, имѣете прекрасный случай наблюдать, какъ происходитъ общественное неравенство? Каждый изъ васъ знаетъ какого-нибудь фабриканта, и видѣлъ, какъ онъ богатѣлъ? Возьмемъ, напримѣръ, господина Циммермана изъ Хемница, истинно примѣрнаго буржуа, о которомъ вы навѣрное всѣ слышали —въ Криммитшау я не знаю ни одного фабриканта:— двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ онъ явился въ Хемницъ такимъ-же бѣднымъ, какъ самый бѣдный изъ насъ; ему удалось собрать небольшой капиталъ;— въ то время крупная промышленность еще не была такъ развита, а капиталъ не такъ концентрированъ въ однѣхъ рукахъ, и можно было съ сотней талеровъ начать предпріятіе, для чего нынѣ недостаточно цѣлыхъ тысячъ. «Счастье ему улыбнулось», т. е. онъ получилъ заказы, которые исполняли нанятые имъ рабочіе, исключая той части, которая приходилась на его собственную долю, между прочимъ, не бо̀льшая, чѣмъ часть, приходившаяся на отдѣльныхъ рабочихъ; такъ какъ общеизвѣстно—и потому-то примѣръ этотъ такъ поучителенъ,—что способности господина Циммермана ни въ какомъ случаѣ не были выше средняго.

Такъ образомъ у господина Циммермана было сначала дюжина рабочихъ, потомъ сто, подъ конецъ-же болѣе тысячи, а нынѣ господинъ Циммерманъ — милліонеръ, слѣдовательно, собственникъ comme il faut, между тѣмъ, какъ рабочіе его представляютъ изъ себя ничего неимѣющихъ пролетаріевъ.

Почему такая разница? По качеству работы этого опредѣлить нельзя, такъ какъ личная работа господина Циммермана по качеству представляетъ изъ себя посредственность. Онъ навѣрное не лучше и къ тому еще навѣрное не больше работалъ, чѣмъ большинство

его рабочихъ. И все-таки онъ сдѣлался милліонеромъ, а они остались пролетаріями. Доходъ его собственнаго труда не могъ сдѣлать его милліонеромъ, такъ какъ если-бы трудъ на его фабрикѣ приносилъ столько дохода, что каждый рабочій могъ-бы сдѣлаться милліонеромъ, тогда всѣ, или по крайней мѣрѣ большинство его рабочихъ должны были сдѣлаться милліонерами. Они-же остались пролетаріями. Но, вотъ въ чемъ дѣло, мои друзья. Господинъ Циммерманъ получалъ *больше*, а его рабочіе получали *меньше* продукта труда каждаго изъ нихъ. Рабочіе господина Циммермана должны были остаться пролетаріями для того, чтобы онъ сдѣлался милліонеромъ. И, если и не каждый работодатель дѣлается Циммерманомъ, то во всякомъ случаѣ каждый изъ нихъ въ общемъ такимъ-же способомъ превращается въ крупнаго капиталиста, какъ и господинъ Циммерманъ, — т. е. *черезъ трудъ своихъ рабочихъ*.

Результатъ бросается въ глаза, не такъ ясно видны причины.

Я только что употребилъ слово *работодатель;* собственно нужно было бы сказать *работобратель*. Старый міръ любитъ выраженія, которыя совершенно коверкаютъ понятія, часто даже ихъ совершенно перевертываютъ. Онъ называетъ работодателемъ того, кто *пользуется* работой другихъ, работобратателемъ-же того, кто свою работу отдаетъ другому. Крупное производство настоящаго времени не допускаетъ, чтобы кто-нибудь продуктивно работалъ для себя на свой счетъ; оно создаетъ необходимость совмѣстной работы многихъ; оно обусловливаетъ, далѣе, сложныя орудія производства, пріобрѣтеніе которыхъ превышаетъ силы каждаго, кто пользуется только однимъ доходомъ своего труда—насколько этотъ послѣдній при нынѣшней системѣ дастъ вообще доходъ. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ тѣ, которые не располагаютъ достаточнымъ капиталомъ—и при настоящемъ способѣ производства никто не въ состояніи пріобрѣсти его своимъ собственнымъ трудомъ,—обязаны продавать свой трудъ третьему, имѣющему этотъ необходимый капиталъ. Покупная цѣна за этотъ трудъ и представляетъ изъ себя *заработную плату*. И — надо между прочимъ замѣтить — за эту заработную плату покупается не только трудъ,

но вмѣстѣ и рабочій, который не можетъ отдѣлиться отъ своего труда и *вмѣстѣ съ своей работой долженъ продавать самого себя.* Какъ вы знаете, покупатель утверждаетъ, что онъ «*благодѣтель*» покупаемаго — вѣдь онъ «даетъ» — ему работу, а съ нею и хлѣбъ, котораго бы онъ иначе не имѣлъ. Это — теорія такъ называемаго работодателя. Въ дѣйствительности-же вопросъ принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Если-бы «благодѣтель» давалъ рабочему полную цѣнность того, что этотъ послѣдній для него сработалъ, то въ концѣ года онъ не былъ-бы ни *на грошъ богаче.* чѣмъ въ началѣ года, даже еслибъ у него работало тысячи и десятки тысячъ рабочихъ. Но это не входитъ въ расчетъ «благодѣтеля»—*онъ стремится* сдѣлаться богаче, увеличить свой капиталъ: и, чтобы имѣть эту возможность, онъ *долженъ платить своему рабочему меньше, чѣмъ тотъ для него сработаетъ.* Другими словами: *заработная плата* не представляетъ полнаго эквивалента затраченной работы, рабочій производитъ свыше уплачиваемой ему цѣнности—производитъ *прибавочную цѣнность*, которая не уплачивается ему; и эта-то прибавочная цѣнность создаетъ нынѣшній капиталъ буржуа. Глубже входить въ эти тайны процессовъ производства я здѣсь не могу. Обращаю ваше вниманіе на «Капиталъ» Карла Маркса, который въ области экономической представляетъ то же самое, что Бокль въ исторіи и Дарвинъ въ естествознаніи. Довольно! — *не такъ называемый работодатель является благодѣтелемъ рабочаго, а рабочій благодѣтелемъ такъ называемаго работодателя*, — хотя и не добровольнаго благодѣтеля, такъ какъ его благодѣяніе превращаетъ его въ пролетарія, въ наемнаго раба того, кого онъ обогащаетъ. Въ порядкѣ-ли это? Справедливо-ли это?

Только тотъ, кто имѣетъ личную выгоду отъ этого можетъ дать утвердительный отвѣтъ. Рабочіе-же должны-бы были радоваться своей нищетѣ и закрѣпощенію, еслибъ они не стремились всѣми силами положить конецъ такому состоянію.

Отношеніе заработной платы — краеугольный камень современнаго классоваго господства и всего того зла, которое оно несетъ съ собой. И потому *уничтоженіе отношенія заработной платы* является благо-

роднѣйшей цѣлью соціалдемократическаго движенія. Рабочій долженъ получать полный продуктъ своего труда, а трудъ его долженъ имѣть повышенную современной наукой производительность коллективной работы: вотъ наша цѣль. Такимъ образомъ мы не нападаемъ на собственность и не намѣреваемся разрушить ее. То, что мы хотимъ, заключается въ слѣдующемъ: *всякому* дать возможность имѣть собственность; собственность рабочаго защитить отъ когтей капитала. И этого мы хотимъ достигнуть *ассоціаціей*. Вмѣсто того, чтобы рабочіе работали на третьяго, эксплуатирующаго ихъ и превращающаго ихъ въ своихъ рабовъ, пускай они работаютъ на самихъ себя совмѣстно, на равныхъ правахъ и, какъ свободные люди получаютъ полный продуктъ своего труда.

Нельзя не признать всѣхъ выгодъ концентрированнаго производства, мы знаемъ, какъ совмѣстная работа увеличиваетъ доходъ. И потому мы желаемъ сохранить выгоды современнаго крупнаго производства и, способствуя концентраціи всеобщаго производства и свободному развитію индивидуума, еще больше увеличить ихъ, но мы хотимъ распредѣлить эти выгоды равномѣрно на всѣхъ и уничтожить монополію на нихъ небольшого меньшинства.

Если современный видъ производства сохранится въ своей настоящей формѣ, то мы приблизимся къ состоянію, подобному тому, что было въ древнемъ Римѣ, когда вся собственность въ концѣ концовъ была сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ людей, вся-же остальная часть населенія была обречена на ужасающую бѣдность и гибель. Вся сѣверная Африка, напримѣръ, принадлежала двумъ, тремъ помѣщикамъ, которыхъ Неронъ по самому первобытному способу лишилъ ихъ собственности, приказавъ отрубить имъ головы. Если положеніе вещей въ настоящее время будетъ доведено до подобныхъ-же крайностей, то надо полагать, что народъ, а не государь займется такой экспропріаціей. Экспропріація-же сдѣлалась-бы неизбѣжной. Такіе порядки не могутъ продолжаться до безконечности, они противорѣчатъ всеобщимъ интересамъ, *надолго* они *не примиримы съ существованіемъ общества*, несмотря на «гармонію», о которой намъ проповѣдываютъ и, которую мы, злые соціалдемократы, хотимъ нарушить

нашимъ «возбужденіемъ умовъ». Но гдѣ-же эта гармонія? Это — изобрѣтеніе господъ буржуа, сказки, разсказываемыя мамками наивнымъ филистерамъ и рабочимъ, не научившимся еще думать. Стачки, о которыхъ я уже раньше упоминалъ, происходящія въ Германіи, Бельгіи, Англіи, Америкѣ—однимъ словомъ, во всѣхъ государствахъ съ современнымъ производствомъ и происходящія безъ помощи «вожаковъ», даже почти всегда помимо ихъ желанія и, несмотря на чувствительныя пораженія, постоянно возобновляемыя — эти стачки даютъ лучшій отвѣтъ на фразы о гармоніи, лучшую иллюстрацію ученія о гармоніи.

И такъ мы стараемся нарушить «гармонію»? Пустая ложь. Мы желаемъ *создать* гармонію, мы хотимъ преобразовать настоящій общественный строй, такъ такъ онъ привелъ интересы людей къ враждебному столкновенію, такъ какъ онъ противопоставилъ другъ другу угнетателей и угнетаемыхъ, эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Та гармонія, къ которой мы стремимся, лежитъ въ *товариществѣ*. Пусть не будетъ болѣе, ни господъ, ни слугъ, пусть будутъ *товарищи*, люди съ одинаковыми правами и обязанностями. Гармонія возможна только въ товариществѣ, построенномъ на принципахъ равенства. Это не фантазія: — идея эта уже испытана на опытѣ тысячелѣтіями. Уже тысячелѣтія мы имѣемъ товарищество, въ которомъ коренится вся культура—это *бракъ*. Мужъ и жена имѣютъ общіе интересы. Я здѣсь разбираю этотъ вопросъ только съ экономической точки зрѣнія. Тотъ, или иной изъ васъ, мои друзья, быть можетъ былъ принужденъ держать экономку. Онъ, значитъ, на опытѣ узналъ, что, не говоря уже объ остальныхъ непріятностяхъ, его хозяйственныя издержки были несоразмѣрно велики. Почему? У экономки свой *собственный интересъ*, который прямо противоположенъ интересу хозяину. Она первымъ дѣломъ соблюдаетъ свою собственную выгоду. Не такъ жена. «Мужъ и жена —одна сатана», говоритъ пословица. У жены тотъ-же хозяйственный интересъ, какъ и у мужа, его выгода —ея выгода, его убытокъ—ея убытокъ. Если-же жена мужа обманываетъ, то она обманываетъ самое себя. Однимъ словомъ, здѣсь существуетъ гармонія интере-

совъ и въ этой гармоніи обѣ части находятъ свою экономическую борьбу.

И въ этомъ заключается причина, почему съ женой хозяйничать дешевле, чѣмъ съ экономкой. Тоже самое отношеніе и въ современномъ буржуазномъ производствѣ. Такъ называемый работодатель имѣетъ другіе интересы, чѣмъ рабочій. Интересъ рабочаго сработать какъ можно меньше за ту заработную плату, которую онъ получаетъ, интересъ-же такъ называемаго работодателя содрать, какъ можно больше работы за ту плату, которую онъ платитъ. Далѣе, интересъ рабочаго продать свой трудъ на возможно *короткое* время, интересъ же работодателя купить его на возможно *долгое* время, слѣдовательно растянуть рабочее время насколько возможно дольше, не заботясь о томъ, гибнетъ-ли рабочій отъ этого физически и умственно. Однимъ словомъ: враждебные интересы, полнѣйшая дисгармонія, вмѣсто объявляемой «гармоніи».

Какъ хорошо буржуазія поняла—я никакъ не долженъ упустить, чтобы не упомянуть объ этомъ — экономическія выгоды *настоящей* гармоніи интересовъ видно изъ Партнершиповскаго шарлатанства, недавно затѣяннаго ею съ единственной цѣлью, поставить продуктивную силу товарищескаго принципа въ зависимости отъ капитала. Рабочій, поощряемый идеей участія въ прибыли, служащей однако лишь только приманкой, работаетъ болѣе интенсивно, чѣмъ при обыкновенныхъ наемныхъ условіяхъ и, воображая, что онъ работаетъ для самого себя, выбивается изъ силъ только для того, чтобы *львиная часть* сверхъ-прибыли, добытой такой интенсивной дѣятельностью, досталась человѣколюбивому капиталисту, давшему лычко, чтобы получить ремешокъ. Впрочемъ число рабочихъ, попавшихся на эту удочку очень невелико, признакъ, что масса нашихъ рабочихъ уже поняла, что враги принципа ассоціаціи злоупотребляютъ этимъ принципомъ въ свою собственную пользу.

Я возвращаюсь къ упреку относительно того, что мы желаемъ уничтожить собственность, но только къ другой формѣ выраженія этого упрека: мы хотимъ «*дѣлить*»! Конечно «дѣлить» имущество тѣхъ, у кого что-нибудь есть, значитъ имущихъ классовъ. Надо сказать, что за послѣднее время неоднократно случа-

лось, что пролетаріатъ держалъ въ своей власти имущіе классы и, слѣдовательно, имѣлъ очень удобный случай «дѣлить», или, говоря безъ прикрасъ обобрать ихъ. Стоитъ только вспомнить февральскую революцію, мартовскіе дни въ Вѣнѣ, Берлинѣ и другихъ мѣстахъ, наконецъ Коммуну. Несмотря на всевозможную ложь намѣренно распространяемую, остается все-же фактомъ, что никогда къ собственности не относились съ бо̀льшимъ уваженіемъ и, если оставить въ сторонѣ «дѣлежъ» въ большихъ размѣрахъ, никогда не было такъ мало преступленій противъ собственности, какъ во времена этихъ кризисовъ. Это имѣетъ двоякую причину: во-первыхъ пролетаріатъ различаетъ людей отъ условій и знаетъ, что условія не измѣнить простымъ переходомъ собственности изъ рукъ въ руки. Во-вторыхъ въ революціонное время умы возбуждены, и на самыя испорченныя натуры налагается печать идеальныхъ чувствъ. Послѣднее видно (что, между прочимъ, статистически доказано) изъ уменьшенія преступленій не только противъ собственности, но и вообще всякихъ другихъ преступленій низкаго характера въ революціонныя времена.

Въ Парижѣ, послѣ февральской революціи, рабочіе съ такимъ уваженіемъ относились къ собственности, что для сохраненія святости своей идеи, *разстрѣливали воровъ*. Я еще самъ читалъ въ концѣ февраля 1848 года на стѣнахъ Тюльери слѣдующіе мѣломъ написанныя слова: «Les voleurs sont mis à mort!» «*Воры будутъ убиты!*» Это напоминаетъ мнѣ прекрасную остроту *Генриха Гейне*, самого великаго нѣмецкаго поэта послѣ смерти Гёте. «Буржуа», такъ приблизительно писалъ онъ въ одномъ письмѣ въ Аугсбургской «Всеобщей Газетѣ» («Allgemeine Zietung») — смотрѣли на паденіе іюльскаго трона съ величайшимъ хладнокровіемъ, но, когда они услыхали, что воры будутъ убиты, ими овладѣлъ паническій страхъ, и господа Ротшильды и остальные крупные капиталисты бѣжали изъ Парижа, гдѣ они уже не чувствовали себя въ безопасности». Да, вотъ они—я не хочу сказать воры, но эти «дѣлители», *настоящіе* дѣлители, которые оцѣпенѣли отъ страха всеобщаго народнаго суда, это не рабочіе, не соціалисты, это господа *капи-*

талисты. Слѣдовательно, и *этотъ* упрекъ мы отдаемъ обратно нашимъ противникамъ.

Какъ «дѣлятся» работодатели со своими рабочими, я уже выяснилъ. Еще въ большихъ размѣрахъ и очевиднѣе *происходитъ этотъ «дѣлежъ» на биржѣ*. Только дичью является здѣсь не рабочій, а мѣщанинъ, средній классъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. Въ чемъ-же заключается *обманъ грюндерства*, которому служитъ почти вся пресса? Въ обираніи публики ловкими спекулянтами. Прочтите только биржевые отчеты «Лейпцигской ежедневной газеты», которая во всемъ остальномъ очень расходится съ нашими воззрѣніями. Въ этихъ, дѣйствительно прекрасныхъ статьяхъ биржевая спекуляція характеризуется въ видѣ истиннаго, но современнаго хищническаго рыцарства. Биржевой спекулянтъ разставляетъ свои сѣти, и несчастные пискари, попадающіе туда, сдѣлаются его добычей.

Каждый изъ васъ слыхалъ о *Струссбергѣ*. Какимъ образомъ онъ добылъ свои милліоны? Не трудомъ, а талантомъ мошеннически забирать деньги другихъ людей въ свои карманы. Но вѣдь Струссбергъ, по господствующимъ понятіямъ о собственности, человѣкъ, достойный уваженія; одинъ королевско-прусскій государственный чиновникъ помогаетъ ему въ его операціяхъ, слѣдовательно на нихъ накладывается королевско-прусская государственная печать, дабы не явилось сомнѣнія, что такая *охота на собственность* соотвѣтствуетъ духу современнаго общества и современнаго государства.

Перейдемъ теперь отъ крупныхъ «дѣлителей» къ извѣстнаго рода мелкимъ, которые вамъ отчасти знакомы по собственному опыту; я здѣсь говорю о посредникахъ или факторахъ. Ткачъ въ Рудныхъ Горахъ работаетъ самъ по себѣ за такую плату, которая обрѣкаетъ его на голодъ, но эта плата сокращается еще извѣстной породой людей, навязавшейся быть посредниками между имъ и купцомъ или фабрикантомъ. Ткачъ, работающій 12, 14, 16 часовъ въ день, становится изъ году въ годъ бѣднѣе, между тѣмъ какъ факторы, единственный трудъ которыхъ заключается въ переправкѣ сырого матеріала отъ купца къ ткачу и готоваго товара отъ ткача къ купцу, дѣлается, за рѣдкими исключеніями, богатымъ. Почему это? Потому

что они понимаютъ «дѣлежъ». Возьмемъ другой примѣръ: Вы помните народное собраніе, созванное нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Лейпцигѣ для обсужденія народнаго правленія. Нашъ другъ Бебель доказывалъ тогда, какъ городскіе налоги вытаскиваются имущими классами, у которыхъ въ рукахъ законы, главнымъ образомъ изъ кармановъ бѣдняковъ и идутъ главнымъ образомъ въ пользу богатыхъ. Нѣчто подобное было доказано и для Криммитшау и, если мы подробно изслѣдуемъ этотъ вопросъ, мы найдемъ это явленіе вездѣ, гдѣ существуетъ классовое господство, какъ въ государствѣ, такъ и въ общинѣ. Въ природѣ классового господства и лежитъ то, что оно употребляетъ свою власть въ свою частную пользу и въ пользу своего класса. *Потому-то мы и боремся противъ классового господства, являющагося корнемъ всякаго соціальнаго зла и вызываемыхъ имъ политическихъ неправильностей.*

Однимъ словомъ — это не мы, желаемъ «дѣлить», мы бросаемъ и этотъ упрекъ обратно въ тѣхъ, которые насъ въ этомъ обвиняютъ. Мы являемся принципіальными противниками «дѣленія» во всѣхъ его видахъ. Соціалдемократія хочетъ лишить «дѣлителей» ихъ ремесла; «дѣлителей», удерживающихъ у рабочаго часть вырабатываемаго имъ продукта; «дѣлителей», растаскивающихъ мелкую собственность; «дѣлителей», высасывающихъ народныя силы налогами. Отъ этой шайки «дѣлителей», подобно саранчѣ, поѣдающей плоды труда въ государствѣ, въ общинѣ, на биржѣ, въ промышленности и въ торговлѣ, такъ какъ и торговля принадлежитъ сюда — мы хотимъ защитить общество, *трудъ*, мы хотимъ защитить *собственность*.

Еще одно: какъ наши противники представляютъ себѣ именно это «дѣленіе», которое они такъ настойчиво стараются свалить на насъ?

Неужели они считаютъ рабочаго настолько наивнымъ, чтобы онъ могъ надѣяться на улучшеніе своего положенія, если государство предприметъ дѣленіе имущества по числу лицъ? Уже двадцать пять лѣтъ я участвую въ соціалдемократическомъ движеніи, но до нынѣшняго дня я еще не встрѣчалъ ни одного товарища, который бы проявилъ такое жалкое невѣжество. Каждый рабочій знаетъ: если мы, при продолженіи

существованія современной системы производства, раздѣлимъ на равныя части всѣ существующія цѣнности—недвижимое имущество и движимый капиталъ — и распредѣлимъ ихъ по числу лицъ, то сущность общества отъ этого положительно не измѣнится; слѣдствія будутъ тотчасъ-же устранены, но причины останутся въ прежней силѣ и обязательно вызовутъ прежнія слѣдствія.

Если-бы произошло дѣленіе и равенство механически возстановилось, то въ тотъ-же моментъ это равенство должно было бы, подъ вліяніемъ существующихъ экономическихъ законовъ органически снова исчезнуть и не пришлось бы долго ждать, чтобы неравенство съ упорствомъ вошло-бы опять въ свои права; мы-же очутились-бы въ прежнемъ положеніи и намъ пришлось-бы снова начать «дѣлить». Нѣтъ, такія глупости не могутъ возникнуть въ головѣ соціалдемократа; соціалдемократія смотритъ на общество, какъ на живой организмъ, не какъ на мертвый механизмъ, какъ на организмъ, подверженный, подобно всякому индивидуальному животному или растительному организму постоянному измѣненію и развивающемуся изъ болѣе низкаго состоянія въ болѣе высшее съ той только разницей, что коллективный организмъ, называемый нами обществомъ, безсмертенъ, вѣченъ и изъ всѣхъ кризисовъ, которые, по мнѣнію малоумныхъ и малодушныхъ людей, должны были бы нанести ему смертельный ударъ, изъ этихъ кризисовъ онъ выходитъ обновленнымъ и со свѣжими силами. Мы стремимся не къ механическимъ измѣненіямъ, а къ органическимъ. *Система наемнаго труда,* на которой зиждется современное общество со своими несправедливостями, *должна быть уничтожена и замѣнена системой товарищескаго труда*, обезпечивающей каждому продуктъ своего труда и этимъ воспрепятствовать капиталу эксплуатировать трудъ. Накопленіе же большихъ частныхъ капиталовъ возможно только посредствомъ этой эксплуатаціи. Поэтому принципіально экспропріація существующихъ частныхъ капиталовъ не является необходимостью: производительныя ассоціаціи, рука объ руку съ которыми должны итти потребительныя общества, охватывающія всѣ области торговли, — постепенно поглотятъ частный капиталъ и не

будетъ тогда никакой надобности въ насильственной массовой экспропріаціи. Господамъ капиталистамъ придется тогда или войти въ ассоціаціи, или ихъ капиталъ окажется мертвымъ и потеряннымъ для нихъ самихъ и для общества, такъ что въ этомъ случаѣ, конечно, было бы только въ ихъ собственномъ интересѣ и въ интересахъ общества, если-бы законодательство приняло мѣры противъ такого безсмысленнаго сопротивленія, мѣры, принимаемыя уже въ настоящее время противъ расточителей, слабоумныхъ, однимъ словомъ, противъ невмѣняемыхъ лицъ. Но, что-бы тамъ ни было, разъ только общество по отношенію къ производству и потребленію, слѣдовательно въ промышленности и торговлѣ, будетъ товарищески организовано, жизненный нервъ частнаго капитала будетъ отрѣзанъ и капиталъ омертвѣетъ, подобно опоясанному *) дереву, а всетворящій трудъ будетъ въ то время создавать все новыя цѣнности и удвоитъ, удесятеритъ умирающій капиталъ.

А тамъ намъ еще наговариваютъ — и нѣмецкіе политико-экономы, между которыми есть даже ученые, какъ профессоръ Рошеръ изъ Лейпцига, даже утверждаютъ,—что трудъ не является единственнымъ факторомъ, создающимъ цѣнность; существуютъ два фактора: силы природы и—капиталъ. Это теорія служитъ яснымъ доказательствомъ, въ какой степени классовые предразсудки дѣлаютъ людей ограниченными и нечестными и какъ мало тождественны ученость и мышленіе. Само собой разумѣется, что мы не можемъ работать безъ помощи силъ природы, сама работа не представляетъ изъ себя ничего иного, какъ пользованіе силами природы. Безъ почвы, на которой я стою, безъ воздуха, которымъ я дышу, я не могу поднять пальца: силы природы являются необходимыми условіями труда, но безъ труда онѣ не могутъ создавать общественныхъ цѣнностей, *только благодаря труду онъ становятся* необходимыми для производства. И потому совершенно неосновательно ставить ихъ *на ряду* съ трудомъ, какъ факторомъ производства. Но

*) Американскіе фермеры, съ цѣлью воздѣлыванія лѣсной земли, обдираютъ у деревьевъ кору на высоту съ человѣческій ростъ, что способствуетъ омертвѣнію дерева. И это называется «опоясываніе».

здѣсь мы имѣемъ дѣло скорѣе съ неточнымъ выраженіемъ, чѣмъ съ тенденціозной неправильностью, на которую мы несомнѣнно можемъ указать, разсматривая третій предлагаемый факторъ — *капиталъ*. Капиталъ *помогаетъ* конечно при производствѣ, способствуетъ также его развитію, поднимаетъ его, но такъ какъ капиталъ представляетъ только накопленный трудъ, или точнѣе сказать: накопленный продуктъ труда, то нельзя его ставить, какъ *самостоятельный* факторъ на ряду съ трудомъ, онъ только совпадаетъ съ факторомъ «трудъ» и *образуетъ часть* послѣдняго. Въ самой незначительной работѣ самого простого поденщика заключается, между прочимъ, накопленный *культурный трудъ* тысячелѣтій и, *этотъ*-то капиталъ, не зачисленный господами политико-экономами въ факторы производства, потому что въ этомъ имъ нѣтъ надобности, этотъ капиталъ безконечно важнѣе для производства, чѣмъ обыкновенный капиталъ.

Чтобы болѣе наглядно показать, что именно трудъ создаетъ капиталъ и, что капиталъ ничто безъ труда и во всемъ обязанъ труду, намъ стоитъ только вообразить, будто-бы произошелъ страшный *потопъ*, смывшій съ земли всѣхъ рабочихъ, главнымъ-же образомъ злыхъ соціалдемократовъ, господъ-же буржуа, со всѣми ихъ капиталами, ихъ фабричными зданіями, ихъ машинами, ихъ блестящими дворцами, ихъ драгоцѣнностями, пощадилъ-бы.

Что-бы изъ этого вышло? Или капиталисты должны были-бы сами взяться за работу, или имъ пришлось-бы умереть съ голоду среди ихъ золота, подобно королю греческаго миѳа (Мидасу), у котораго не въ обиду будь сказано, были также ослинныя уши. Но возьмемъ противоположный случай: потопъ смылъ-бы съ земли всѣхъ капиталистовъ — конечно я даже въ простомъ предположеніи не желаю имъ никакого вреда, ихъ можно было бы перенести на какую-нибудь звѣзду (напримѣръ на Венеру), куда Данте помѣщаетъ свои почившія души—значитъ предположимъ, капиталисты со всѣми своими капиталами исчезаютъ съ земли, но рабочіе остаются, безъ фабрикъ, безъ машинъ, безъ какихъ бы то либо капиталовъ, сохранивъ только съѣстные припасы до слѣдующаго урожая. Каковъ былъ-бы результатъ? Рабочіе сдѣлали-бы себѣ инстру-

менты, выстроили-бы дома, спахали-бы землю, вырыли-бы шахты и, въ продолженіи немногихъ лѣтъ уничтоженный капиталъ былъ-бы снова возстановленъ и послѣдній слѣдъ потопа исчезъ-бы: рабочіе жили бы несравненно счастливѣе, нежели раньше, они были-бы избавлены отъ своихъ прежнихъ господъ, обладали-бы капиталомъ, безъ класса капиталистовъ. Конечно, само собою разумѣется, что, если-бы благодаря какому-нибудь событію природы, или другому событію, былабы уничтожена буржуазія со всѣмъ, что ей принадлежитъ, никто изъ оставшихся не былъ-бы настолько наивнымъ, чтобы ее снова искусственно вызвать къ жизни. Довольно: этотъ гипотетическій примѣръ долженъ былъ только показать, что рабочій не нуждается въ капиталистѣ и безъ него чувствовалъ-бы себя гораздо лучше, но что капиталисту нуженъ рабочій и онъ безъ послѣдняго просто существовать не можетъ, по крайней мѣрѣ не какъ капиталистъ. Еще разъ повторяю — мы не желаемъ «дѣлить» и, далеки отъ того, чтобы желать дѣлить съ капиталистами, мы рѣшительно хотимъ помѣшать капиталистамъ, чтобы они дѣлили съ рабочими; а это мы хотимъ достигнуть всеобщимъ введеніемъ товарищескаго труда.

Можно-ли на это стремленіе смотрѣть, какъ на утопическое? Развѣ не доказано уже на опытѣ практическое выполненіе товарищескаго принципа въ промышленности и въ торговлѣ? Такое *всеобщее* введеніе является *денежнымъ вопросомъ*, ничѣмъ инымъ. А денежный вопросъ долженъ разрѣшиться въ вопросъ доброй воли. *Лассаль*, какъ извѣстно, требовалъ для производительныхъ ассоціацій 100 милліоновъ талеровъ государственной поддержки и вызвалъ этимъ крики неистовства у буржуазіи, представившей себѣ всеобщее банкротство, если это требованіе будетъ удовлетворено. Достаточна-ли указанная Лассалемъ сумма, я не хочу выяснять теперь — во всякомъ случаѣ это ничтожный пустякъ въ сравненіи съ тѣми милліардами, которые въ настоящее время выбрасываются изъ окна для непродуктивныхъ, враждебныхъ культурѣ, разрушающихъ благосостояніе цѣлей. Посмотрите, напримѣръ, на колоссальные бюджеты постоянныхъ войскъ, которые служатъ только для поддержанія существующихъ государственныхъ и общественныхъ

злоупотребленій и представьте себѣ тысячи милліоновъ, которые поглотила послѣдняя война, предпринятая изъ страха передъ соціализмомъ! Дѣйствительно, сколько бы не стоило общественное возрожденіе, введеніе лучшихъ условій, не будетъ стоить столько, сколько стоитъ сохраненіе нашихъ худшихъ условій.

Но дальше.

Упрека въ *коммунизмѣ*, совпадающаго съ предыдущимъ упрекомъ, я коснусь коротко. Что представляютъ себѣ противники подъ словомъ коммунизмъ? То, что лѣнтяи и тѣ, которые не работаютъ, желаютъ жить на счетъ всѣхъ. Да, друзья мои, *этотъ коммунизмъ существуетъ въ настоящее время*, онъ есть основной принципъ государства и общества и именно *противъ* него направлено все соціалдемократическое движеніе. Въ дѣйствительности же слово коммунизмъ имѣетъ совсѣмъ другое, да, противоположное значеніе—я говорю: въ дѣйствительности, потому что коммунисты сами его понимаютъ въ этомъ смыслѣ. Нѣтъ, коммунизмъ не есть эксплуатація трудящихся лѣнтяями, рабочихъ неработающими, коммунизмъ означаетъ подчиненіе частныхъ интересовъ общимъ, *спасеніе индивидуальности въ сообществѣ*, и что касается спеціально собственности, то коммунизмъ стремится *сдѣлать собственность всеобщимъ достояніемъ;* слѣдовательно *не* уничтоженіе собственности: — пока существуютъ люди, будетъ существовать и собственность — а *обобществленіе* собственности, на которую *каждый* будетъ имѣть право, въ то время, какъ теперь она является правомъ только незначительной части населенія. И въ этомъ смыслѣ, только уясните себѣ правильно это понятіе, мы конечно стремимся къ коммунизму.

Отъ слѣдующаго упрека, бросаемаго въ насъ, я отдѣлаюсь только нѣсколькими замѣчаніями. Насъ называютъ «варварами 19-го столѣтія», мы стремимся «*разрушить культуру*», побѣда соціалдемократіи есть «уничтоженіе цивилизаціи». Партія, программа которой выставляетъ безплатное народное обученіе и вообще безплатное посѣщеніе всѣхъ воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній, эта партія не можетъ быть задѣта подобнымъ обвиненіемъ, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи мы беремъ вину на себя. Да, мы *хотимъ*

разрушить то, что наши противники называютъ «культурой», «цивилизаціей». Мы *хотимъ* разрушить рабство и угнетеніе, мы *хотимъ* разрушить сѣмена ненависти и раздора, посѣянныя между людьми, мы *хотимъ* разрушить невѣжество, умственную тьму, на что обречено огромное большинство нашихъ братьевъ. Да, господа буржуа, *невѣжество* мы хотимъ разрушить, мы, враги вашей культуры! Ваша культура есть именно *противоположность культурѣ*: вы можете только ее спасти, обрекая народъ на невѣжество, постыдно оберегая отъ него сокровища истинной культуры, запирая отъ него храмъ образованія. Открыть народу этотъ храмъ, вотъ наше стремленіе; науку, которую вы сдѣлали монополіей нѣсколькихъ избранныхъ и для которыхъ у васъ нѣтъ куска хлѣба, разъ она только не льститъ вашимъ прихотямъ, не потворствуетъ*) вашему корыстолюбію — *эту науку мы хотимъ сдѣлать достояніемъ всѣхъ*. Это должно осуществиться введеніемъ системы истинныхъ *народныхъ школъ* — не заведеній для дрессировки, подобно современнымъ народнымъ школамъ, являющимся издѣвательствомъ надъ ихъ названіемъ; не народныхъ школъ, гдѣ учителя должны физически, а ученики умственно умирать съ голоду, гдѣ дѣтямъ бѣдняковъ бросаются только скудныя крохи, которыя далеко не достаточны для питанія ума — не народныхъ школъ, въ которыхъ знаніе дается въ самомъ *нисшемъ* размѣрѣ — нѣтъ, мы хотимъ ввести систему народныхъ школъ въ истинномъ значеніи этого слова, школъ для народа, дающихъ *всѣмъ* дѣтямъ образованіе въ *высшемъ* размѣрѣ, способствующихъ пробужденію и развитію *всѣхъ* способностей въ *каждомъ* ребенкѣ, а не какъ въ настоящее время, гдѣ дѣти заканчиваютъ свое образованіе въ такомъ возрастѣ, когда оно, собственно говоря, должно было бы лишь только начинаться. Соціализмъ «враждебенъ культурѣ»! не потому-ли что онъ даетъ возможность всякому таланту развиваться? Какой могучій рычагъ

*) Когда я произносилъ эту рѣчь, я еще не зналъ, что Фейербахъ былъ преданъ голодной смерти. Съ голоду умирающій Фейербахъ съ одной стороны, а съ другой — педантъ, сдѣлавшійся идоломъ либеральной буржуазіи — «подлый негодяй, попъ Долингеріусъ», — этого достаточно для характеристики «образованія» нашего буржуазнаго міра.

культурнаго прогресса заключается въ одномъ только фактѣ истиннаго народнаго воспитанія! Таланты равномѣрно распредѣлены между людьми — это истина, въ которой не сомнѣвается и наука и, которой мы должны придерживаться, потому что она есть основаніе соціалистическаго и демократическаго міровоззрѣнія; но современное общество разрѣшаетъ развивать свои способности только самому небольшому меньшинству, и этому-то меньшинству, за рѣдкими исключеніями, оно даетъ одностороннее, исковерканное образованіе. При современныхъ условіяхъ огромное большинство талантовъ заглушается. Часто удивляются, почему въ извѣстныя эпохи появляется такъ много значительныхъ людей. Это именно эпохи, гдѣ дремлющимъ талантамъ дана возможность пробудиться и проявить себя на дѣлѣ. Особенно это проявляется въ революціонныя эпохи, требующія новыхъ силъ для защиты новыхъ идей и порядковъ. Посмотрите, напримѣръ, ту массу великихъ государственныхъ мужей, ораторовъ, полководцевъ, которыми отличается французская революція. Въ такія времена не *больше* талантовъ, чѣмъ въ обыкновенныя времена, но — пользуясь политико-экономическимъ выраженіемъ — является *большій спросъ на таланты.* Случай дѣлаетъ не только воровъ, но онъ дѣлаетъ и «великихъ людей». «Великій человѣкъ» есть обыкновенный человѣкъ, которому представился случай сдѣлаться «великимъ». Все это я говорю, чтобы только показать, какъ безконечно нужно способствовать развитію нашей культуры, если общество когда-нибудь поставитъ своей высшей задачей насколько возможно развить таланты *всѣхъ.* Слѣдовательно наивысшую сумму образованія для всѣхъ! Мы хотимъ *освободить* науку и сдѣлать ее *доступной всѣмъ*, она не должна болѣе быть закованной въ кандалы, и служеніе ей не должно болѣе обрекать на нищету и проституцію. Да, разрушить мы хотимъ вашу культуру — разрушить, потому что она враждебна истинной культурѣ; потому что она не можетъ примириться съ истинной цивилизаціей; потому что она насильно заставляетъ науку продавать себя богатству и власти; потому что она, основанная на несправедливости, насквозь безнравственна, и, къ проституціи науки вы присоединили *проституцію женщины,* — проституцію

женщины, самое отвратительное пятно нашей лжекультуры.

И представители этого общества проституціи имѣютъ наглость упрекать насъ, — и это дальнѣйшій козырь, которымъ они идутъ противъ насъ, — что мы хотимъ уничтожить семью, а ввести *многоженство и «свободную любовь!»* Дѣйствительно — свободную любовь, да, мы желаемъ ее; мы хотимъ освободить любовь отъ оковъ, которыя надѣло на нее современное общество. Но, противники, говоря о многоженствѣ, объ уничтоженіи семьи, видятъ только самихъ себя въ зеркалѣ. Они обвиняютъ насъ въ своихъ собственныхъ грѣхахъ. Далекіе отъ того, чтобы стремиться къ многоженству, мы хотимъ уничтожить господствующее въ настоящее время многоженство; далекіе отъ того, чтобы желать разрушить семью, мы ставимъ своей цѣлью облагородить семью, опускающуюся теперь все ниже и являющуюся въ своей чистотѣ недостижимымъ идеаломъ для массы и мы хотимъ достигнуть того, чтобы она изливала свои благословенія на всѣхъ. Къ моей величайшей радости я вижу самихъ женщинъ на этомъ собраніи; это служитъ доказательствомъ, что женщины поняли, какъ близко ихъ касается соціальное движеніе, какой высокій интересъ для нихъ лежитъ въ побѣдѣ нашихъ принциповъ. Въ настоящее время много говорятъ о такъ называемомъ *женскомъ вопросѣ.* Для насъ нѣтъ особаго женскаго вопроса и не можетъ его быть, потому что интересы людей солидарны между собой. Женскій вопросъ есть часть великаго соціальнаго вопроса; вмѣстѣ съ послѣднимъ и онъ будетъ разрѣшенъ, безъ него-же—никогда. Кто стремится къ эмансипаціи женщины, не рѣшаясь на борьбу за всеобщую соціальную эмансипацію, тотъ предпринимаетъ безнадежную путанную работу. Но тотъ, кто идетъ на борьбу за всеобщую соціальную эмансипацію, борется въ одно и то же время за эмансипацію женщины. И дѣйствительно, одного положенія женщины въ современномъ обществѣ было-бы достаточно, чтобы оправдать соціалистическое движеніе, а обществу, вызывающему подобныя условія, поставить смертный приговоръ. Гдѣ-же та «святость семьи», о которой наши противники разсказываютъ басни? Не искать-ли ее у тѣхъ сотенъ тысячъ проститутокъ, наполняющихъ

улицы городовъ, какъ маленькихъ, такъ же и большихъ и продающихъ свое тѣло тому, кто больше всѣхъ за него даетъ? Въ одномъ Берлинѣ насчитывается 20,000 проститутокъ и Берлинъ не «безнравственнѣе» другихъ городовъ. Вѣдь въ Германіи, Англіи, Франціи, Америкѣ—вездѣ, гдѣ существуетъ классовая противоположность, гдѣ лежитъ глубокая пропасть между бѣдностью и богатствомъ, гдѣ эксплуатація людей людьми является привычкой и закономъ, тамъ вездѣ мы имѣемъ зло проституціи. Проституція не есть явленіе ни мѣстное, ни національное — ни одна нація не имѣетъ права фарисейски умывать свои руки и говорить: «Слава Богу, я не такая дурная, какъ другія націи». *Проституція является необходимымъ слѣдствіемъ господствующихъ условій*, она дополненіе къ буржуазному браку, она его отвратительный двойникъ; она является всеобщимъ общественнымъ учрежденіемъ и потому надсмѣхается надъ всякимъ стараніемъ уничтожить ее внутри современнаго общества. Самое большое, что она позволяетъ ханжеской полиціи нравственности гнать себя съ рынка въ отдаленныя улицы. Пока сотнямъ тысячамъ дѣвушекъ не остается другого выбора, какъ, или умереть съ голоду, или продавать себя за деньги, проституція будетъ существовать. Она исчезнетъ только тогда, когда каждому человѣку будетъ дана возможность жить честно: и для этого необходимо переустройство современнаго общества, современнаго рода производства. Самая падшая проститутка достойна нашего состраданія, нашей симпатіи; ея исторія есть общественная трагедія, потрясающая того, кто носитъ въ груди своей человѣческое сердце и кто умѣетъ читать въ человѣческомъ сердцѣ. Скверное воспитаніе, скверный примѣръ, лишеніе семьи, голодъ—вотъ что толкаетъ на проституцію: кто осмѣлится бросить камень въ эти падшія существа? Въ эти несчастныя жертвы общества? Но что-же иное представляетъ изъ себя проституція, какъ не многоженство?

Многоженство въ самой безнравственной, самой грубой формѣ? И насъ обвиняютъ въ желаніи ввести многоженство? Еслибъ мы желали его, мы-бы не объявили войны современному обществу. Я раньше упомянулъ, что проституція является отвратительнымъ

двойникомъ буржуазнаго брака. Разсмотримъ-же бракъ въ современномъ обществѣ! *Не превратился-ли бракъ въ проституцію, благодаря капиталу?* Зиждется-ли онъ вообще на любви, или на свободной привязанности? Не является-ли рѣшающимъ моментомъ собственность? Не представляетъ-ли бракъ *спекуляцію, выгодное дѣло*, вмѣсто союза сердецъ? *Развѣ женщина не продаетъ себя и въ бракѣ? Развѣ ее не продаютъ подобно товару?* Бракъ по любви — не запрещается-ли онъ просто въ высшихъ классахъ? Не точно-ли взвѣшивается обоюдное имущество? Не считается ли глупостью жениться «ниже своего сословія». Развѣ не считается, что это «умно» и «практично», если бѣдные родители силой заставляютъ дочь свою выйти замужъ за богатаго, отжившаго развратника? А какъ-бы посмотрѣли на фабриканта его товарищи по сословію, еслибъ онъ выдалъ дочь свою за любящаго ее и любимаго ею рабочаго—не сочли-бы они его кандидатомъ въ сумасшедшій домъ? Напротивъ, не могъ-ли онъ расчитывать на всеобщее одобреніе, еслибъ онъ силой заставилъ ее выйти замужъ за нелюбимаго, только по «расчету» женившагося буржуа? Но не проституція-ли это? Не является-ли женщина предметомъ торговли? И замѣтьте это хорошо, подобныя вещи происходятъ не только на «высотѣ» общества — но, мы встрѣчаемъ профанацію брака, проституированіе любви, во всѣхъ слояхъ общества, гдѣ господствуетъ культъ мамоны.

Кстати я вспоминаю сцену изъ юмористическаго журнала «Летучіе Листки»: Сидятъ два крестьянина, сынъ одного желаетъ жениться на дочери другого.

«Мой сынъ получитъ столько-то десятинъ земли, столько-то быковъ, коровъ и лошадей. Что получитъ твоя дочь?»

«Я въ состояніи дать ей только столько-то.»

«Этого слишкомъ мало, ты прибавь еще пару быковъ и коровъ».

«Я не могу»;

«Ну тогда изъ нашего дѣла ничего не выйдетъ, довольно».

Это картина, взятая изъ жизни, и никакой Ювеналъ не могъ-бы написать болѣе ѣдкой сатиры. Мы гордимся нашей культурой и мнимъ себя необыкновенно выше дикихъ и все-таки у насъ продаютъ дѣ-

вушекъ за быковъ и коровъ, подобно кафрамъ въ Южной Африкѣ. Почему-бы и нѣтъ? Наше общество зиждется на приниженіи человѣка, котораго оно превратило въ товаръ и то, что женщина должна продавать свое тѣло, является только частью системы, заставляющей рабочаго продавать свой трудъ, то есть продавать самого себя вмѣстѣ съ тѣломъ и душой. Но конечно здѣсь есть существенная разница: то, для чего продаетъ себя наемный рабъ, есть общественно-необходимый трудъ, являющійся только благодаря обстоятельствамъ, при которыхъ онъ исполняется, проклятіемъ для рабочаго; между тѣмъ, какъ то, для чего продаетъ себя проститутка, есть самое позорное оскверненіе любви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскверненіе человѣческой природы. Любовь — *дается*, она не можетъ *продать* себя. Если-же она продаетъ себя, будь это въ бракѣ, будь это внѣ брака — *она есть проституція*. Всякій бракъ, заключенный мамоной, хотя бы даже и благословленный священникомъ, есть проституція; всякій союзъ между мужчиной и женщиной, заключенный любовью, если онъ даже не благословленъ священникомъ—есть истинный бракъ.

Но и отъ *другой* формы человѣческаго товара женщина не освобождена въ современномъ обществѣ. Развѣ не наложилъ алчный капиталъ, аппетитъ котораго еще больше разыгрывается при поглощеніи жертвъ, оковы наемнаго рабства также на *женщину*, какъ и на мужчину, да, не бросилъ-ли онъ и ихъ въ рабочія бастиліи, называемыя фабриками? И не разрушилъ-ли онъ этимъ фактически «*семью*» рабочаго народа? Но это еще не все. Даже *дѣтей* тащитъ капиталъ въ своей ненасытности на алтарь своего людоѣдства.

Мужъ, жена, дѣти — все наемные рабы! Гдѣ-же домашній «очагъ», безъ котораго немыслима семейная жизнь? И, несмотря на это, капиталъ бьетъ себя въ грудь и молитъ небо охранить его отъ злыхъ соціалдемократовъ, желающихъ уничтожить семью! О, вы ханжи!

У рабочаго, у него нѣтъ семьи! *Вы* украли ее у него! Но онъ *хочетъ* имѣть семью, чтобы быть человѣкомъ, и потому онъ соціалдемократъ!

Трудъ есть основа всего человѣческаго прогресса,

только благодаря труду, человѣчеству удалось возвыситься надъ животнымъ, освободиться отъ рабства природы. Но, средство освобожденія превратилось въ средство угнетенія. Вмѣсто того, чтобы черезъ трудъ сдѣлаться свободнымъ, рабочій сдѣлался рабомъ труда. Отъ этого-то рабства труда и долженъ быть освобожденъ рабочій. Онъ не долженъ быть живой *машиной*, которая, превративъ человѣка въ вещь, является часто только привѣской къ мертвой машинѣ и называется ткачемъ, плотникомъ, машиностроителемъ. Онъ долженъ быть *человѣкомъ*, который ткетъ, который плотничаетъ, который строитъ машины, чтобы исполнить свои общественныя обязанности.

Но рабочій, проводящій въ мастерскихъ, на фабрикѣ ежедневно 12, 14, 16 часовъ и живущій часто очень далеко, *не имѣетъ времени быть человѣкомъ*. Измученный, онъ возвращается домой, ложится спать и бѣжитъ на другое утро, еще уставшій отъ предыдущаго дня, снова на работу. Это не человѣческое существованіе и едва-ли даже животное. Ни одинъ крестьянинъ не согласится такъ измучить своихъ лошадей, свой рабочій скотъ. Но человѣкъ терпѣливѣе животнаго и къ счастью живучѣе. И вотъ именно тѣмъ, что современное общество разрушило семью, тѣмъ, что оно унизило женщину, оно. болѣе, чѣмъ остальными своими преступленіями, лишило себя права на дальнѣйшее существованіе и подписало свой смертный приговоръ. Общество, сдѣлавшее проституцію оффиціальнымъ общественнымъ учрежденіемъ, не имѣетъ права выговорить слово нравственность. чтобы не покраснѣть; это общество осуждено и должно погибнуть отъ возмущенія человѣческаго чувства нравственности, живущаго въ груди угнетенныхъ.

Женщина съ болѣе тонкими нервами и болѣе тонкимъ чутьемъ, чѣмъ мужчина, глубже чувствуетъ свое униженіе, чѣмъ мужчина. И потому-то женщина съ такимъ воодушевленіемъ принимаетъ участіе въ соціалистическомъ движеніи, обѣщающимъ ей свободу и достоинство. Потому-то женщины недавно еще занимали такое высокое положеніе въ геройской борьбѣ коммуны: молодыя матери съ грудными дѣтьми на рукахъ упорно стояли подъ пулями скорострѣльныхъ ружей и ободряли своихъ мужей; дѣвушки подхваты-

вали знамена, выпавшія изъ рукъ умиравшихъ блузниковъ и безъ страха смерти несли его прямо на врага, пока сами не падали, пораженныя пьяными солдатами порядка. Сотни плѣнныхъ женщинъ и дѣвушекъ съ гордостью и упорствомъ принимали смертельную рану и съ крикомъ: «да здравствуетъ коммуна!» умирали, выражая презрѣніе къ побѣдителямъ. «Отвратительныя поджигательницы!», «Публичныя женщины!», «Падшія, вызывающія только одно отвращеніе!» ревѣла въ одинъ голосъ реакціонная буржуазная печать. «Отвратительныя поджигательницы»? Отвратительная буржуазная ложь! Позорная басня, выдуманная подлецами, подхваченнная глупцами — но теперь уже опровергнутая самими болѣе честными противниками, клевета! «Публичныя женщины?» Безъ сомнѣнія, тамъ были и онѣ, но это была самая небольшая часть «публичныхъ женщинъ»!

Но развѣ *коммуна* ихъ сдѣлала таковыми?

Нѣтъ, господа буржуа *), то было *ваше* общество, вашъ лучшій изъ возможныхъ міровъ, который наложилъ на нихъ клеймо позора, осквернившее ихъ. Коммуна дала имъ возможность снова подняться и освободить себя отъ грязи *вашего* общества. И вы еще удивляетесь, что пламенное воодушевленіе къ коммунѣ, страшная демоническая ненависть къ старому обществу, *къ обществу проституціи*, толкнула ихъ на борьбу, что онѣ полу-ангелы, полу-фуріи, желая отомстить за причиненную имъ несправедливость, шли на смерть за святое дѣло, чтобы этимъ искупить ихъ позорную жизнь? Ахъ, это «вѣчно женское» въ этихъ потерявшихъ женственность брошенныхъ существахъ, подняло свою голову и ужалило ваше общество.

Выоворите, что вы христіане, но—развѣ вы забыли, какъ вашъ Христосъ пристыдилъ лицемѣрныхъ ханжей, желавшихъ закидать камнями грѣшницу? И вы осмѣливаетесь еще надругиваться надъ ними послѣ ихъ смерти, надъ этими жертвами вашего общества, надъ этими мученицами новаго ученія, показывающаго рабамъ конецъ ихъ закрѣпощенія, а женщинѣ конецъ ея проституціи?

---

*) На этомъ праздничномъ собраніи присутствовало и много противниковъ.

Вы, друзья мои, хорошо поняли, что женскій вопросъ нераздѣльно связанъ съ всеобщимъ соціальнымъ вопросомъ и что для насъ особенно важно вовлечь женщинъ въ наше движеніе: профессіональный союзъ фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, захватывающій и Криммитшау, не дѣлаетъ разницы между мужскимъ и женскимъ трудомъ и, такимъ фактическимъ признаніемъ равноправности обоихъ половъ, сдѣлано больше для эмансипаціи женщинъ, чѣмъ сдѣлали всѣ наши женскіе союзы вмѣстѣ взятые, хотя они и считаютъ себя какъ бы арендаторами «женскаго вопроса».

Женщина является необходимымъ дополненіемъ мужчины, — безъ женщины мужчина не можетъ быть человѣкомъ, безъ участія женщины мужчина не можетъ осуществить никакого идеала. И потому для нашего движенія необходима помощь женщины. Ихъ обязанность и ихъ интересъ должны заставить ихъ встать въ борьбѣ на ряду съ нами. Женщины болѣе всего чувствуютъ весь ужасъ современнаго общества и онѣ также навѣрное болѣе всего поймутъ всѣ выгоды соціальной эмансипаціи. Потому, пусть каждая женщина, каждая дѣвушка не удерживаетъ своего мужа, своего возлюбленнаго отъ движенія, пусть онѣ вмѣсто того воспламеняютъ ихъ и поддерживаютъ ихъ силы, когда тѣ начинаютъ ослабѣвать; и всякая мать; пусть она проповѣдуетъ своимъ дѣтямъ евангеліе свободы и равенства, дабы выросло поколѣніе, которое съ гордымъ сознаніемъ человѣческаго достоинства отказалось бы отъ господъ и рабовъ.

Друзья! Еще одинъ упрекъ я долженъ опровергнуть и тогда я кончаю съ этой частью моей рѣчи. Говорятъ, что мы хотимъ низвергнуть буржуазію и на ея развалинахъ создать *господство рабочаго класса*. Наша программа отрицаетъ это обвиненіе. Правда, что мы желаемъ разрушить господство буржуазіи, но, только для того, чтобы разрушить вообще *всякое* господство классовъ. Буржуазія судитъ насъ по себѣ; она устранила феодальное государство, чтобы на его мѣсто воздвигнуть государство буржуазное. Она вытѣснила одно классовое господство другимъ. У пролетаріата другая, болѣе высокая цѣль. Онъ слишкомъ страдалъ подъ гнетомъ классоваго господства, чтобы не сдѣлаться принципіальнымъ врагомъ его. Надъ какимъ-

же классомъ пролетаріатъ желалъ-бы господствовать? Вѣдь онъ принадлежитъ къ *самому* «*нисшему* классу», слѣдовательно не имѣетъ другого класса, надъ которымъ онъ могъ-бы господствовать и котораго онъ могъ-бы эксплуатировать. То, къ чему мы стремимся, есть товарищеская организація общества съ одинаковыми правами и обязанностями для всѣхъ. Точно также, какъ солидарность сбросила преграды рода, націи (относительно послѣдней по крайней мѣрѣ умственно и экономически, хотя и не политически), точно также она должна сбросить преграды классовъ и сословій, дабы понятіе человѣчества получило возможность свободно развиваться. Да не будетъ эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ! Да не будетъ господъ и рабовъ! Да не будетъ господства и рабства! Порядокъ въ равенствѣ вмѣсто безпорядка въ подчиненіи!

Вотъ, чего мы хотимъ. И какой честный человѣкъ найдетъ это несправедливымъ?

Такимъ образомъ я разобралъ всѣ главныя обвиненія, бросаемыя въ насъ и доказалъ ихъ несостоятельность. Я указалъ, что эти клеветы представляютъ только каррикатуру самого буржуазнаго общества, которое, подъ вліяніемъ своей нечистой совѣсти, въ туманѣ своей возбужденной фантазіи видитъ свое собственное уродливое изображеніе. Я указалъ, что то, въ чемъ насъ обвиняютъ представители и панегиристы стараго общества, то именно является пороками, недостатками, преступленіями стараго общества. Я указалъ, что «дѣлежъ», что «многоженство» систематически практикуется только въ старомъ обществѣ. Я указалъ, что старое общество является тѣмъ, которое уничтожаетъ собственность, разрушаетъ семью, лишаетъ народъ благословленій цивилизаціи, злоупотребляетъ культурой и наноситъ ей вредъ. Я указалъ, что мы, соціалдемократы, по отношенію къ буржуазіи, являемся передовыми борцами за собственность, за семью, за цивилизацію, борцами противъ «дѣлежа», противъ «многоженства». Я указалъ, что именно мы хотимъ внести въ міръ раздора и безпорядка—гармонію и порядокъ. Однимъ словомъ, я указалъ, что всѣ упреки нашихъ противниковъ мы можемъ бросить имъ обратно: мы боремся не *противъ* собственности, а *за* нее; не *противъ*

семьи, а *за* нее; не *противъ* культуры, а *за* нее; не *противъ* порядка, а *за* него; не *противъ* «гармоніи», а *за* нее.

Я указалъ, что рабочее движеніе есть культурное движеніе, обязанное своимъ происхожденіемъ не игрѣ, произволу и случаю, а естественной необходимости и съ естественной необходимостью природы должно побѣдить. Я указалъ, что только недомысліе и невѣжество можетъ сомнѣваться въ правотѣ соціалдемократическаго движенія и, что всякая попытка остановить это движеніе также безнадежна и безсмысленна, какъ попытка быка остановить мчащійся локомотивъ. Точно также, какъ локомотивъ промчится и раздавитъ его, точно также и соціалдемократическое движеніе промчится черезъ всѣ препятствія, встрѣчаемыя на его пути.

И это должны были-бы понять наши противники. Они должны были-бы понять, что только *въ ихъ интересахъ* избѣжать катастрофы. Современный міръ не можетъ успокоиться. Интересы сталкиваются между собою, слѣдствіемъ этого является борьба классовъ и война. Неужели такія условія заслуживаютъ усилія, которое употребляется, чтобы сохранить ихъ? Нашихъ противниковъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни, которые борются противъ насъ по *невѣжеству*, другіе, по *злому умыслу*. Первымъ я указываю:

Познакомтесь съ нашимъ движеніемъ! Вы перестанете бояться его, когда вы узнаете его. Боязнь худшій совѣтчикъ. Красный призракъ, ужасающій васъ, есть, подобно всѣмъ призракамъ, продуктъ незнанія и исчезаетъ передъ испытывающимъ глазомъ ума. Познаніе экономическихъ условій устраняетъ не только боязнь, оно устраняетъ также и фанатизмъ. Наука не знаетъ фанатизма. Наука не ссылается на страсти, она отрицаетъ ихъ, она изучаетъ. Она знаетъ, что всѣ явленія имѣютъ свои основательныя причины; она старается изслѣдовать эти причины, но не споритъ съ явленіями. Пусть укажутъ мнѣ на какое-нибудь прошедшее культурное движеніе, которое удалось-бы остановить и которое не побѣдило-бы въ концѣ концовъ противниковъ? Для чего эти тысячныя неудачи примѣнять по отношенію къ намъ? Развѣ современное поколѣніе не пріобрѣло своихъ знаній

изъ исторіи? Неужели мы должны каждый уже давно пріобрѣтенный опытъ снова *сами* переживать? Тогда всякая наука, всякій человѣческій прогрессъ были-бы ложью.

А вы, вы, которые боретесь противъ насъ по злому умыслу, вы, которые *знаете, что мы правы* и и только изъ корыстнаго чувства идете противъ насъ — вы подумайте, вѣдь вами руководитъ очень близорукій эгоизмъ. Современное общество даетъ вамъ большія выгоды, но никакой силой на свѣтѣ вы не сохраните вашего привиллегированнаго положенія. Вашему царству близится конецъ. Вы *должны* пасть: если-же вы понимаете вашъ истинный *интересъ*, вы постараетесь остановить это паденіе. Вы читали исторію о книгахъ Сивиллы: чѣмъ дольше вы будете колебаться поступить по справедливости—поступить по справедливости на основаніи вашихъ *интересовъ*, тѣмъ болѣе положеніе ваше ухудшится и тѣмъ невыгоднѣе будутъ условія, при которыхъ вы должны будете подчиниться новому міру. Борьба противъ насъ можетъ лишь затруднить родовыя боли и можетъ быть — ускорить роды. Во всякомъ случаѣ вы только потеряете, если вы насильственными мѣрами будете мѣшать кризису и захотите придать ему насильственный характеръ.

Избѣжать катастрофы, это въ интересѣ *всѣхъ*, какъ въ вашемъ, такъ и въ нашемъ. Въ интересѣ *всѣхъ* построить мостъ, черезъ который можно будетъ перейти изъ стараго міра въ новый.

Одинъ англійскій государственный человѣкъ сказалъ однажды, что исторія партій есть исторія компромиссовъ. До извѣстнаго пункта это совершенно вѣрно! Жаль только, что господствующія партіи рѣшаются на компромиссы большею частью, когда уже всѣ средства сопротивленія исчерпаны и настолько уже потеряли свою силу, что компромиссъ означаетъ полнѣйшее банкротство.

Если только господствующая партія обладаетъ проницательностью и умомъ, она съ каждымъ наступательнымъ народнымъ движеніемъ пойдетъ на компромиссъ.

Только рядомъ такихъ компромиссовъ — поймите вѣрно значеніе этого слова: компромиссъ означаетъ понятіе такого положенія, когда вмѣсто рѣзкаго разры-

ва съ прошлымъ, создается по соглашенію съ партіями состояніе переходное—и такъ, только рядомъ такихъ компромиссовъ, слѣдовательно посредствомъ *реформъ*, можно обезпечить соціальному движенію мирный исходъ и устроить переходъ изъ стараго міра въ новый, щадя насколько возможно интересы нынѣ господствующихъ классовъ.

И потому такой компромиссъ является болѣе важнымъ въ интересахъ нынѣ господствующихъ классовъ, чѣмъ въ нашихъ интересахъ, ибо мы и безъ компромисса добьемся нашей цѣли, по всей вѣроятности, даже еще скорѣе. Принимая во вниманіе чувство гуманности, мы еще можемъ согласиться на компромиссъ, въ то время, какъ наши противники могутъ итти на него изъ чувства личнаго интереса. Желаемъ-ли мы компромисса, или нѣтъ это, между прочимъ совершенно безразлично, а состоится-ли таковой, или нѣтъ, зависитъ исключительно отъ нашихъ противниковъ. Если буржуазія захочетъ пойти на компромиссъ, тогда компромиссъ состоится, несмотря на то, желаемъ мы его или нѣтъ. Буржуазія управляетъ прямо, или черезъ государство, арміей, капиталомъ и прессой, однимъ словомъ всѣми матеріальными и умственными средствами власти: въ ея власти слѣдовательно положить начало разрѣшенію соціальнаго вопроса путемъ компромисса и реформъ. Ей стоитъ только захотѣть. Но для того, чтобы захотѣть, она конечно должна понять, что въ основѣ нынѣшнихъ условій лежитъ несправедливость и что они неосновательны. Честнымъ противникамъ я потому еще разъ говорю: изучайте соціальный вопросъ! *Понять соціальный вопросъ, значитъ его разрѣшить.* Не понять его, значитъ вызвать самыя ужасныя политическія и общественныя землетрясенія. Соціальный вопросъ, это сфинксъ, убивающій того, кто не можетъ разрѣшить его загадки, но который самъ себя убиваетъ, разъ загадка его разрѣшена. Загадкой сфинкса былъ *человѣкъ*. Онъ является загадкой и соціальнаго вопроса. Прежде, чѣмъ загадка о *человѣкѣ* не будетъ разрѣшена, міръ не успокоится, и сфинксъ соціальнаго вопроса будетъ продолжать показывать свое угрожающее лицо обществу и будетъ бросать его изъ одного ужаса въ другой, изъ одного кроваваго моря въ другое.

Два міра стоятъ другъ противъ друга: старый и новый — умирающій міръ современнаго общества и идеальный міръ будущаго; широкая, глубокая пропасть лежитъ между ними. Современное общество рвется и мчится къ безднѣ, имъ овладѣлъ слѣпой страхъ, оно, подобно стаду буйволовъ, которое, желая спастись отъ пожара въ преріяхъ, въ безумномъ страхѣ, закрывъ глаза, бросается впередъ, не замѣчая широкаго оврага, раскрывающагося передъ нимъ; перескочить черезъ него, невозможно — еще нѣсколько шаговъ, и напоръ слишкомъ великъ, чтобы можно было повернуть обратно; тѣ, которые впереди падаютъ сначала, и только тогда, когда бездна заполнится трупами, оставшіеся въ живыхъ въ состояніи достигнуть спасительнаго берега. Неужели пропасть между старымъ и новымъ міромъ должна будетъ заполниться трупами! И вѣдь пожаръ въ преріяхъ, отъ котораго современное общество старается спастись, существуетъ только въ воображеніи общества и только подъ вліяніемъ *страха* можетъ превратиться въ дѣйствительность. Неужели невозможно построить мостъ, который-бы съ увѣренностью перенесъ насъ въ новый міръ?

Мы не въ состояніи сдѣлать этого. Наши *противники* могутъ сдѣлать это и, если они это сдѣлаютъ, они пріобрѣтутъ вѣчную заслугу передъ человѣчествомъ.

Я прихожу къ концу. То, что *мы* должны дѣлать, намъ совершенно ясно. Мы идемъ впередъ по путинашей обязанности. Пускай не пытаются свести насъ съ пути или запугать. Въ Парижѣ соціалдемократія показала, что она, если это нужно, сможетъ умирать за свои принципы. Помня девизъ: Noblesse oblige *), мы никогда не забудемъ, что наше дѣло есть дѣло человѣчества. Противники должны рѣшить, достигнется-ли цѣль миромъ или послѣ кровавой борьбы. Какимъ-бы не было рѣшеніе, мы принимаемъ его. Мы свободны отъ личной ненависти. Даже во врагѣ мы уважаемъ человѣка. Поляки носили во время послѣдняго возстанія свои знамена съ надписью: *За насъ и за васъ!* Такъ и мы идемъ на борьбу за насъ и за

*) Благородство обязываетъ; благородное дѣло возлагаетъ высокія обязанности.

нашихъ враговъ: ибо и ихъ касается освободительное движеніе и *они* нуждаются въ освобожденіи.

Вамъ же, друзья мои, я хочу напомнить: продолжайте спокойно и неутомимо работать въ вашемъ союзѣ, не уставайте въ вашей дѣятельности, распространяйте наши идеи—и, если когда-нибудь вы почувствуете, что васъ покидаетъ мужество, то вспомните благороднаго Якоби, который никогда не колебался, когда все вокругъ него колебалось, вспомните его слова: «Основаніе самого малочисленнаго рабочаго союза будетъ имѣть большую цѣнность для будущаго историка культуры, чѣмъ день битвы при Садовой».

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. Р. К. П. (б.)

«Галлерея Русскихъ Революціонеровъ»

1) Александръ Васильевичъ Долгушинъ.
2) Дмитрій Михайловичъ Рогачовъ.
3) Ипполитъ Степановичъ Мышкинъ.
4) Яковъ Васильевичъ Стефановичъ.
5) Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ.
6) Петръ Филипповичъ Якубовичъ.
7) Людмила Александровна Волкенштейнъ.
8) Вѣра Николаевна Фигнеръ.
9) Софія Львовна Перовская.
10) Левъ Григорьевичъ Дейчъ.

Цѣна портрета на толстой бумагѣ 25 сант.; на тонкой 15 сант.

«Галлерея Нѣмецкихъ Революціонеровъ»

1) Августъ Бебель.
2) Вильгельмъ Либкнехтъ.
3) Юліусъ Моттелеръ.

Цѣна каждаго портрета 10 сант.

Изданія въ обмѣнъ просятъ посылать по адресу:
G. Koukline, 15, rue de Candolle, Genève, Suisse.

Всѣ изданія, присылаемыя въ редакцію, поступаютъ въ безплатную русскую читальню Г. А. Куклина.

По всѣмъ дѣламъ, касающимся «*Библіотеки*» и «*Галлереи*», слѣдуетъ обращаться исключительно къ издателю по адресу:

G. Koukline, 15, rue de Candolle, Genève (Suisse).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩАЯ БРОШЮРА:

«Графъ Л. Н. Толстой и рабочій народъ»

В. А. Поссе.

съ приложеніемъ обращенія Л. Н. Толстого

«Къ рабочему народу»

Цѣна 50 сант.

Всѣ наши изданія продаются въ слѣдующихъ мѣстахъ

Австрія (Autriche).

F. Topic, librairie française, 9 Ferdinandova Trida, Praha.
Buchhandlung L. Rosner, 16, Franzensring, Wien.

Англія (Angleterre).

Russian Free Press Fund C⁰, 15, Augustus Road, Hammersmith, London W. *Генеральный представитель для Англіи.*

Болгарія (Bulgarie).

Стефанъ Георгіевъ, книжарь, г. Варна. *Генер. представ. для Болгаріи.*

Германія (Allemagne).

J. H. W. Dietz, Nachf. in Stuttgart, Furthachstrasse, 12. *Генеральный представитель для Германіи.*

Египетъ (Égypte).

The «Sfynx», Bookselling Company I et V. Port-Saïd.
Horn-Brothers, Port-Saïd.

Италія (Italie)

F. Diemer, librairie, San-Remo.

Румынія (Roumanie).

D. P. Maloskitsky, libraria Universala, Tulcea.

Франція (France)

Librairie des professeurs et instituteurs, Lamotte et Felix Malterre. 70, rue Claude-Bernard, Paris.
Boyveau et Chevillet, 22, rue de la Banque, Paris.
La Société Nouvelle, 17, rue Cujas, Paris.
J. Kleidman, bibliothèque russe, 1, place de l'Église russe, Nice.
Librairie Internationale, L. Gross, 2, rue Maccarani, Nice.
Librairie George & C⁰, Lyon.
Librairie Jacques, 13, rue St-Georges, Nancy.
Librairie Sidot Frères, 3, rue Raugreat, Nancy.

Швейцарія (Suisse).

Главный складъ: G. Koukline, 116, rue de Carouge, Genève.
George et C⁰, librairie, 10, Corraterie, Genève.
H. Stapelmohr, librairie, 24, Corraterie, Genève.
R. Burkhardt, librairie, 2, place du Molard, Genève.
Librairie Mont-Blanc, 9, rue du Mont-Blanc, Genève.
Librairie Universitaire, G. Février, 4, rue de Candolle, Genève.
Г. А. Куклинъ, *безплатная русская читальня*, 15, rue de Candolle, Genève.
Agence Générale des Journaux, boul. du Théâtre, Genève.
Librairie Henry Kündig, 11, Corraterie, Genève.
C. M. Ebell's Buch- und Kunsthandlung, Zurich.
F. Diemer, Buchandlung, Lucerne.
A. Frank (ancienne librairie Schmidt et Francke) Berne.
Emile Schlesinger, librairie, Vevey.
— — — Montreux.

Типографія Г. А. Куклина, 116, rue de Carouge, Genève.